Николай Сироткин

РЕТРО* ДЕТЕКТИВ

РЕТРО* ДЕТЕКТИВ

Таинственный визит

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Алексей Авилов # 2

18+

Николай Сироткин

Таинственный визит

«Автор»
2026

Сироткин Н. П.

Таинственный визит / Н. П. Сироткин — «Автор», 2026

Москва, июнь 1880 года. Ночью в загородный дом титулярного советника Павла Викентьева забрался неизвестный. Он аккуратно выставил стекло в подсобном помещении, проник на первый этаж, осмотрел столовую и ушёл тем же путём, вставив стекло на место. По всем признакам работа мелкого воришки – «стекольщика», однако из дома ничего не пропало. Если бы не внимательность садовника, никто бы и не догадался, что в доме побывал неизвестный. Что кроется за таинственным ночным визитом? Неизвестность порождает массу вопросов и лишает сна. Однако в полицию идти не с чем, ведь ничего не украли. Обеспокоенный хозяин обращается за помощью к петербургскому криминальному журналисту Алексею Авилову.

© Сироткин Н. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
Глава 5 35
Глава 6 42
Глава 7 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Николай Сироткин
Таинственный визит

Глава 1

Вместо предисловия. Москва, 18 июня 1880 года. (За три дня до описываемых в книге событий).

Владелец табачной фабрики Аристарх Иванович Кондоиди отдыхал после сытного обеда, лёжа на широкой деревянной лавке в тени летней беседки, увитой плющом, словно гигантским зелёным покрывалом. Состояние сладкой полудрёмы, вот-вот обещавшее плавно перейти в глубокий сон, было прервано внезапно появившимся лакеем.

- Ваше благородие, к вам частный поверенный (1) господин Шульман пожаловали по срочному делу.

Кондоиди с трудом разомкнул слипшиеся веки и, уставившись в потолок беседки, усиленно пытался вникнуть в смысл того, что сказал лакей. Наконец, до него дошло - его разбудили напрасно.

- Пошёл вон, скотина. – Заорал взбешённый фабрикант, запустив в лакея подвернувшейся под руку подушкой. – И этому выкресту (2) скажи, чтобы убирался.

- Зачем же так грубо. – Стоявший чуть в стороне, стройный, элегантно одетый молодой мужчина, мало чем напоминавший еврея, подобрал брошенную подушку и вошёл в беседку. - Вам, при вашей полноте, уважаемый Аристарх Иванович, категорически запрещено так волноваться.

Адвокат вернул подушку на место и, не спрашивая разрешения хозяина, уселся на скамью напротив Кондоиди. Отец Лёвы Шульмана, в своё время поступил мудро, дав согласие на переход своего старшего сына в христианство, чтобы тот мог получить достойное образование и хорошо устроиться в жизни. Правда, дорога в университет даже крещёным евреям в России была практически закрыта (3), поэтому пришлось ограничиться обычной гимназией. Аттестата зрелости хватило, чтобы устроиться помощником присяжного поверенного в уездном суде. Проработав на этой собачьей должности (4) несколько лет, и набравшись определённого опыта, молодой амбициозный юрист решил заняться частной практикой и, получив соответствующее свидетельство (5), отправился в Варшаву. Там он за папины деньги быстро оформил разрешение ходатайствовать (6) в Варшавском окружном суде и занялся поиском клиентов. Будучи от природы неисправимым циником (7) Лёва Шульман не брезговал никакой работой. Он брался защищать воров, мошенников и аферистов всех мастей лишь бы у тех были деньги на оплату его услуг. Обладая от природы острым умом, он не терялся даже в самых сложных ситуациях. Умело жонглируя фактами, перемешивая правду с вымыслом, он так искусно запутывал судей и присяжных заседателей, что даже в заведомо проигранных делах добивался существенного смягчения приговора. Усердие молодого адвоката на ниве защиты уголовного элемента не осталось незамеченным. Нашлись «добрые люди», которые помогли Лёве Шульману перебраться в Москву. Кондоиди был одним из его постоянных клиентов.

- Голубчик, ты можешь идти. – Махнул Шульман рукой в сторону опешившего лакея и, убедившись, что тот удалился на приличное расстояние, повернулся к фабриканту. – Аристарх Иванович, есть одно деловое предложение, которое вас может заинтересовать.

Кондоиди, поняв, что поспать ему не дадут, принял вертикальное положение, достал из кармана платок, вытер обильно выступивший на лбу пот, и тяжело дыша, с завистью посмотрел на поджарого адвоката в ладно сидящей на нём серой тройке с иголочки.

- Знаю я ваши еврейские предложения. – Огрызнулся он, удобно устраивая свое грузное тело на широкой скамье. - Не зря в народе говорят: жиду верить – воду ситом мерить.

- Вам грех жаловаться, Аристарх Иванович. – Ничуть не обидевшись, тут же парировал Шульман. – Если мне не изменяет память, я вас пока ещё ни разу не подводил. От нашей совместной деятельности вы только в плюсе.

Возразить было нечего. Шульман конечно прохвост, но дело своё знает и что самое главное, никогда не продаст и не предаст клиента. Довольно редкое сочетание откровенного цинизма и порядочности на самом деле объяснялось просто.

«Лучше потерять в малом, чем потерять всё»!

Эту банальную истину Лёва Шульман усвоил ещё с младенческих лет и неукоснительно соблюдал. Не один раз он мог «слить» своего клиента, нехило на этом заработав, но прекрасно понимал, что после такого фортеля к нему уже никто не обратиться. В данном случае репутация – дороже денег, как бы странно это не звучало в отношении совершенно безнравственного человека. Кондоиди ни один год работал с Шульманом и полностью доверял ему.

- Ладно, выкладывай свое предложение. – Нехотя согласился фабрикант, прекрасно зная, что настырный адвокат не уйдёт, пока не выскажет всё, с чем пришёл.

- Один мой клиент хочет предложить вам сотрудничество на очень выгодных условиях.

- Почему он сам не пришёл, а прислал тебя?

- Предложение, скажем мягко, не совсем законное, Аристарх Иванович, а мой клиент состоит на государственной службе и занимает ответственную должность.

- Это я понял, давай ближе к делу.

- Я уже подошёл к сути самого предложения. У моего клиента имеется новейшее полиграфическое оборудование, аналогов которому нет в Европе.

- Лёва, ты в своём уме? – Искренне возмутился Кондоиди. - На кой хрен мне оно мне нужно? Газеты печатать?

- Для газет это оборудование не подходит. – Резонно заметил адвокат. - На нём можно печатать цветные открытки, не хуже английских или немецких, причём быстро и крупными тиражами.

- Ты совсем сбрендил? – Табачный фабрикант снисходительно посмотрел на Шульмана, словно на умалишённого. - Что я заработаю на твоих открытках? Только геморрой на свою задницу!

Прежде чем ответить адвокат достал из бокового кармана красочную рождественскую открытку и положил её перед фабрикантом.

- В конце прошлого года для обкатки оборудования за пару дней на нём напечатали десять тысяч вот таких открыток и продали их в розницу по цене один рубль за штуку. Затраты на производство составили всего двести рублей. Прибыль просто астрономическая. Ни одно современное оборудование не может обеспечить такого качества и скорости печати, не говоря уже о доходах.

- Лёва, если все так хорошо, как ты тут расписал, то какого чёрта твоему клиенту продавать это оборудование – пусть сам печатает открытки и набивает свои карманы.

Кондоиди - обрусевший грек, тёмного происхождения. Начинал заниматься контрабандой в Одессе, городе, тогда ещё имевшем статус свободного порта (8) – «Порто-Франко» (отменён в 1859 году). Сколотив состояние на контрабандной торговле табаком, он переехал в Москву, купил дом в Хамовниках и тут же на Остоженке построил табачную фабрику. Ему уже давно перевалило за пятьдесят, он был богат и мог спокойно оставшуюся часть жизни прожить на правах законопослушного гражданина, ни в чём себе не отказывая, но, как известно, «горбатого только могила исправит». Кондоиди никак не мог избавиться от старых привычек и работать легально. Он всегда готов был ввязаться в любую авантюру, если это сулило солидную прибыль. Несмотря на внешнюю простоту и недостаток образования, Кондоиди прошёл

хорошую жизненную школу, отличался острым природным умом и умудрялся быстро вникать в самые сложные и запутанные вопросы, не позволяя вешать себе «лапшу на уши».

- Мой клиент не продаёт оборудование, он ищет компаньона. Аристарх Иванович, нас, точно никто не слышит сейчас? – Адвокат повертел головой, но не увидел ничего кроме естественного зелёного покрывала, через которое не пробивались даже солнечные лучи. - Поблизости нет лишних ушей?

- Что-то ты темнишь, еврей? – Кондоиди окончательно проснулся и внимательно посмотрел на собеседника. - Можешь говорить спокойно, никто из слуг не имеет права приближаться к беседке, когда я отдыхаю.

Шульман пересел на лавку ближе к фабриканту.

- На этом оборудовании можно печатать кредитные билеты, по качеству ничем не хуже тех, что выпускает Экспедиция заготовление государственных бумаг в Петербурге.

Кондоиди задумался. Он прекрасно понимал, что адвокат не блефует, вопрос был только в том, насколько качественными будут поддельные банкноты.

- Откуда вообще взялось это оборудование?

- Разработка наших доморощенных бомбистов. От болтовни они решили перейти к делу, проще говоря, к террору, а для этого нужны деньги. Сами понимаете, Аристарх Иванович, просить деньги на благое дело, к примеру, на просвещение тёмных крестьянских масс, это одно – тут никакого криминала, чистая благотворительность. Многие толстосумы, выслушав подобные речи, вспомнят своё босоногое детство, прослезятся и развяжут мошну. Однако сейчас, после нескольких неудавшихся попыток подорвать царский поезд, общество начало понимать, что невинная вроде игра в благотворительность может обернуться для страны большой трагедией. Год назад бомбисты ограбили Херсонский банк, вынесли из хранилища полтора миллиона рублей, правда, вывезти деньги из города не смогли – попались. Вот тогда у них и возникла идея заняться производством фальшивых ассигнаций. Нашли грамотного инженера – он спроектировал оборудование, а прекрасно известный вам химик Григорьев разработал технологию изготовления печатных форм.

Похоже, еврей не блефует, решил Кондоиди. Про фальшивые четвертные билеты высокого качества он, конечно, слышал, однако слухи, вещь ненадёжная. А вот в том, что Кондоиди действительно хорошо знал Вадима Григорьева, адвокат прав. Пару раз он сам пользовался услугами талантливого химика. Этот вполне мог разработать подобную технологию.

- А как станок оказался у твоего клиента?

- Накрыли подпольную типографию, где господа из организации «Народная воля» печатали фальшивые кредитные билеты.

Кондоиди улыбнулся. Ему всё-таки удалось, запутать и сбить с толку ушлого адвоката и тот проговорился. Похоже, его клиент жандармский офицер, занимающий довольно высокий пост. Это одновременно и хорошо и плохо - всё зависит от конкретной ситуации.

- Как я понимаю, деньги уже печатали?

- Думаю, вам известно, что в Москве появились фальшивые четвертаки высоко качества?

- Это только слухи, Лёва. – Отмахнулся фабрикант, очередной раз, вытирая платком вспотевшее лицо и толстую шею. – Кто вообще видел эти фальшивки?

- Хотите взглянуть? Пожалуйста. – Шульман достал из кармана и протянул фабриканту две, на первый взгляд, совершенно одинаковые купюры. – Попробуйте угадать, которая из них поддельная.

Кондоиди, надев очки, долго вертел в руках банкноты, щупал, нюхал, рассматривал на просвет водяные знаки и, наконец, отложил в сторону одну бумажку.

- Вот подделка, на ней надписи менее чёткие.

- Ошиблись, Аристарх Иванович. – С улыбкой на лице заявил довольный адвокат, забирая банкноты. – Этот кредитный билет отпечатан Экспедицией заготовления государствен-

ных бумаг. Не расстраивайтесь, даже кассиры государственного банка не могут отличить фальшивку..

- Хорошо, я тебя понял. Если оборудование у твоего клиента, то зачем ему нужен напарник?

- Я уже сказал, что…

- Он занимает ответственную должность. – Язвительно закончил фразу бывший контрабандист. – Лёва, это я уже слышал, не нужно меня держать за идиота. Зачем ему вообще компаньон и какая-то вшивая должность, если у него под кроватью печатный станок и полные мешки денег?

- Не всё так просто, Аристарх Иванович. В этом деле много нюансов, так что без напарника никак не обойтись. Мы обсудили с ним этот вопрос и пришли к выводу, что ваша кандидатура подходит по всем статьям.

- Хорошо. Вот к этим самым «нюансам» и переходи, нечего тянуть кота за хвост.

- В настоящее время у моего клиента есть лишь станок для печати. Нет ни форм, ни бумаги.

- Ты сам минуту назад сказал, что накрыли подпольную типографию, а теперь говоришь, что есть только станок. Куда делось остальное?

- Так получилось, Аристарх Иванович. Печатные формы и бумага сейчас находятся в здании Московского окружного суда.

- И как ты собираешься их оттуда достать? Возьмёшь штурмом Кремль?

- Не понадобится никакого штурма, нужны лишь две боевые группы по четыре человека в каждой. Работа как раз для ваших орлов.

Как человек опытный, всегда привыкший полагаться больше на собственные силы, чем на закон и полицию, Кондоиди создал личную службу охраны из отставных военных в количестве двенадцати человек. Поскольку бывший контрабандист не отличался высокими моральными качествами, то и все его «охранники» были того же сорта. Они идеально подходили для выполнения «специальных» заданий.

- Вот теперь понятно. – Ехидно улыбнувшись, покачал головой Кондоиди. – Мои люди будут делать всю грязную работу. Таскать каштаны из огня для тебя и твоего клиента.

- Не нужно передергивать, Аристарх Иванович. Вы так возмущаетесь, как будто ваши отморозки способны на что-то другое. Не забывайте, что эти самые «каштаны» они будут таскать не только для моего клиента, но и для вас тоже. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Свою долю в деле вы должны ещё заработать.

Кондоиди понимал, что адвокат прав. Нельзя получить доход ничем, не рискуя и ничего не вложив в дело, тем более, если речь идёт о баснословных барышах.

- Хорошо, я тебя услышал. Теперь объясни, для чего нужны две боевые группы?

- Завтра вечерним поездом формы и бумагу повезут в Петербург. Одна группа должна будет сесть в этот поезд и провести экспроприацию.

- Лёва, ты, что в суде выступаешь? – Кондоиди сморщился, как будто в рот ему положили дольку лимона. - Скажи просто – ограбить. Груз будут сопровождать фельдъегеря?

- Нет. Груз повезёт лично председатель Московского окружного суда Рейнберг.

- Сколько у него будет охраны?

- Четыре солдата из гарнизонной команды, для них забронированы места в вагоне второго класса. .Рейнберг вместе с формами и бумагой едет в вагоне первого класса и ночью в купе будет один, поэтому больших проблем возникнуть не должно.

- Тайного советника обязательно убивать?

- Нет. Его смерть никому не нужна, достаточно просто оглушить и связать. Внешне всё должно выглядеть, как обычное ограбление. – Шульман достал из папки карту Николаевской железной дороги и разложил её на лавке. - Нападение нужно осуществить ночью на перегоне

Клин – Тверь. Вот здесь, на станции Кузьминская будет ждать карета, на которой ваши люди вернуться в Москву.

- Сколько от станции Кузьминская до Твери?

- Двадцать верст.

- Рискованно. В Твери обязательно обнаружат нападение и телеграфируют в Москву. Могут перекрыть дорогу.

- Во-первых, нападение произойдёт в полночь, когда все спят, во-вторых, никто не знает, куда именно направятся нападавшие после ограбления и, в-третьих, ваши люди будут в форме и с документами жандармов, что обеспечит им беспрепятственный проезд через все посты.

- Хорошо, с первой группой понятно. Для каких целей нужна вторая?

- Вторая группа, опять же в форме жандармов, произведёт арест инженера Князева и химика Григорьева.

- Ты знаешь, где они находятся?

- Они спрятались в клинике Розенфельда, поправляют здоровье и надеются, что их там никто не найдёт. Таким образом, у нас в руках будет не только готовое к работе оборудование, но и сами разработчики, которые станут трудиться на нас.

- Слушай, а зачем тогда похищать формы, если Григорьев может изготовить новые? Зачем лишний раз рисковать?

- Нельзя допустить, чтобы формы доехали до Петербурга. Если они попадут в Экспедицию заготовления государственных бумаг, там быстро раскроют секрет новой технологии, даже при отсутствии оборудования.

- Хорошо. Допустим, я согласился, и мы удачно провели эти две операции. Что дальше?

- Вы получаете оборудование и специалистов и начинаете печатать кредитные билеты.

- Всё производство будет в моих руках?

- Верно, Аристарх Иванович. Сами понимаете, дело ответственное, требует уединения, тишины и усиленной охраны. Кому, как ни вам, с вашим-то опытом поручить эту работу? Пустых помещений в вашем загородном доме полно, да и надёжных людей для охраны у вас достаточно.

- А как мы будем делить напечатанные деньги?

- Пополам. Половина ваша, половину получает мой клиент.

- А как он узнает, сколько именно денег я напечатал?

- Через моего клиента вы будете получать бумагу для печати фальшивых ассигнаций. Каждый рулон это десять тысяч банкнот. В России ни одна фабрика не сможет изготовит такую бумагу, так что крысятничать (10) не получится. Напечатали, отдали половину, получили новый рулон и так по кругу.

- Боюсь, с четвертными билетами возникнут сложности, - покачал головой Кондоиди, - их уже несколько лет не печатают. Свеженькие банкноты сразу вызовут подозрение.

- Поэтому нам и нужны эти два специалиста – инженер и химик. Под вашим надзором они должны будут наладить печать мелких ассигнаций, например, достоинством десять рублей. В связи с их частой эмиссией никто не обратит на появление новеньких хрустящих банкнот никакого внимания.

- А они станут работать на нас?

- Аристарх Иванович, давайте считать, что по основным вопросам мы договорились, и отложим обсуждение деталей нашего сотрудничества на более удобное время, а сейчас сосредоточимся на насущных проблемах. Дел у нас много, а вот времени в обрез.

Подготовительные работы заняли весь остаток дня, и на дачу Кондоиди вернулся около восьми часов вечера. После ужина, сидя на балконе и любуясь закатом, он ещё раз обдумал предложение Шульмана. Если качество печати действительно на столь высоком уровне, как расписывает этот еврей, то перспективы просто фантастические. Впрочем, проверить хваст-

ливые заявления адвоката он сможет уже завтра. Если всё пройдёт гладко, к нему на дачу привезут инженера с химиком. Кондоиди был уверен, что с Григорьевым он быстро найдёт общий язык, а тому врать не с руки (11). Захват форм и бумаги, на что так упирал Шульман, грека вообще не волновал и будь его воля, он не стал бы рисковать людьми. В отличие от Шульмана Кондоиди не слишком опасался того, что секрет печати будет раскрыт властями. По его соображениям это никак не могло повлиять на их дальнейшую работу. Но, как говорится, нет худа без добра. Формы повезёт лично председатель суда Рейнберг, а с тайным советником у фабриканта были старые счёты. Представилась возможность рассчитаться, почему бы не воспользоваться, да и повязать своих новых компаньонов кровью не помешает. Правда, Шульман и его влиятельный клиент, буду недовольны таким поворотом дела, но пусть засунут свои претензии куда подальше. Теперь правила игры будет устанавливать только один человек - Кондоиди. Когда всё наладится, он без труда разберётся со своими подельниками. Делиться ни с кем бывший контрабандист не собирался.

***

Примечания:

1. Присяжный поверенный – так в Российской империи с 1864 по 1917 годы называли адвоката, состоявшего при окружном суде или судебной палате. В этот же период существовали и другие категории адвокатов, например, с 1874 года действовал институт частных поверенных – лиц занимавшихся адвокатской практикой индивидуально. К ним предъявлялись более низкие требования, чем к присяжным поверенным: не требовалось высшее образование, не было правил профессиональной этики и т.д. Частные поверенные (частные адвокаты) могли браться за ведение любых уголовных дел.

2. Выкрест – так в России называли людей перешедших в православие из другой религии, чаще всего крещёных евреев. Переход в православие снимал многие ограничения и давал право проживать за чертой осёдлости, в том числе в Москве и Петербурге. Крещение открывало путь к получению высшего образования, поступлению на военную и государственную службу, право на медицинские, инженерные и педагогические профессии.

3. Крещёных евреев не принимали в университеты. Например, в уставе Императорского училища правоведения прямо было прописано – «евреев не принимать». Однако, переход в христианство (крещение) давал возможность закончить гимназию.

4. В судебных уставах не был определён статус помощников присяжных поверенных, не были указаны их права и обязанности. Институт помощников присяжных поверенных рассматривался, как кадровый адвокатуры. Помощники участвовали в судебных процессах в качестве полноправных адвокатов, что давало им практику и опыт.

Для занятий практикой частный адвокат должен был получить соответствующее свидетельство, которое выдавали: мировые съезды, окружные суды или судебные палаты.

5. Ходатайствовать – обращаться с просьбой к официальным лицам и учреждениям, просить, хлопотать за кого-либо. Частные поверенные могли ходатайствовать только в том суде, который выдал им соответствующее разрешение.

6. Циничный человек – это человек, который пренебрежительно относится к общепринятым моральным нормам, обесценивает чувства и ставит личную выгоду превыше всего. Циник не верит в искренность других людей, отрицает бескорыстие и считает сострадание слабостью.

7. Порто-франко – свободный порт. Порт который пользуется правом беспошлинного ввоза и вывоза товара.

8. Экспроприация – принудительное изъятие имущества частных собственников государством или организацией без согласия владельца.

9. Крысятничать – термин из уголовной и полукриминальной среды – воровство у своих же соратников (подельников), членов группы или близкого круга.

10. «Не с руки» - устойчивое словосочетание (фразеологизм), которое в разговорной речи означает – неудобно, нет смысла, не годится, не подобает.

Глава 2

Придётся начинать всё с начала. Москва, 21 июня 1880 года.

Генерал-губернатор Москвы Владимир Андреевич Долгоруков был явно не в духе. Перед ним на столе лежала телеграмма, в которой сообщалось об убийстве тайного советника Рейнберга. Ситуация была крайне неприятной. Дело даже не в том, что убили его старого друга (все мы смертны), а в том, что пропали улики по громкому делу о фальшивых кредитных билетах. Долгоруков знал о том, какую «комбинацию» провернул Рейнберг с представителем министра внутренних дел Завадовским, и поддержал своего старого друга. Да и как было не поддержать, ознакомившись с рапортом полковника, в котором тот докладывал министру о полном бездействии московских чиновников, тем самым бросая тень на самого «хозяина». Он поступил правильно, кто же мог предположить, что Рейнберга убьют по дороге в Петербург и заберут все улики. Сейчас нужно срочно решать, как выйти из создавшегося положения? Тяжело вздохнув, Владимир Андреевич вызвал адъютанта и приказал доставить к нему секретаря Рейнберга Анджея Ковальского.

- Господин коллежский секретарь (1), - обратился генерал-губернатор к сидевшему напротив секретарю, - вспомните, Пётр Васильевич телеграфировал в министерство о своём приезде?

- Нет, ваше высокопревосходительство. – Ни секунды не раздумывая, ответил Ковальский. - Сами понимаете, дело щекотливое, в телеграмме всего не объяснишь. Пётр Васильевич решил, что будет лучше, если он всё изложит министру в личной беседе. Там вообще, не понятно, к кому конкретно обращаться? Окружные суды подчиняются министру юстиции, а фальшивомонетчиками занимается министерство внутренних дел. Его превосходительство рассчитывал прибыть в Петербург вечером, отдохнуть с дороги, а на следующий день утром он собирался идти на приём к министру юстиции. Не лезть же через голову?

Долгоруков задумался. Получается, что в Петербурге никто не знал о завершении дела, найденных уликах и приезде Рейнберга. Уже лучше! Он прекрасно понимал, почему Рейнберг решил идти к министру юстиции. Вряд ли его непосредственный начальник Дмитрий Николаевич Набоков (2) отдал бы лавры победителя другому министерству. Раскрытие уголовного дела такого масштаба, да ещё находящееся на контроле у самого императора сулило невиданный взлёт карьеры и более чем щедрую благодарность монарха.

- А что там с полковником Завадовским?

- Лежит в Екатерининской больнице в отдельной палате, поправляет здоровье.

- Какие бумаги у него на руках?

- Личный рапорт Рейнберга министру внутренних дел Макову о «геройском» поведении полковника при задержании банды Ваньки-Беркута, ходатайство о награждении орденом «Святой Анны» второй степени и материалы по делу об «изнасиловании» Тверской полицейской части.

- Все эти бумаги незаметно изъять.

- Будет сделано, ваше высокопревосходительство. Мне их уничтожить?

- Нет, привезёте и передадите лично мне в руки.

После ухода Ковальского, Долгоруков пригласил в кабинет товарища (3) председателя московского окружного суда Богданова, который уже почти час ожидал в приёмной.

- Гордей Емельянович, в связи с убийством Петра Васильевича Рейнберга я своей властью назначаю вас временно исполняющим обязанности председателя московского окружного суда.

- Благодарю за доверие ваше высокопревосходительство.

- Вы в курсе конфликта между прибывшим из Петербурга полковником Завадовским и тайным советником Рейнбергом?

- В общих чертах. Его превосходительство показывали мне рапорт полковника Завадовского.

- Где сейчас этот рапорт?

- Должен быть в кабинет председателя в сейфе.

- Вы в этом уверены?

- После того, как яс ним ознакомился, господин тайный советник при мне положил его в сейф.

- До тех пор, пока император не назначит нового председателя, этот кабинет будете занимать вы, Гордей Емельянович. Сразу, как вернётесь на рабочее место, найдите рапорт Завадовского. Это серьёзный документ, который поможет нам в дальнейшем избежать ненужных осложнений с Петербургом.

- Я всё понял, ваше высокопревосходительство. Какой линии будем придерживаться?

- Мы ничего не знаем о конфликте между полковником и тайным советником. Завадовский прислан сюда, чтобы ловить фальшивомонетчиков, вот пусть он их и ловит.

- А как быть со следователем Дымовым и сыщиком Макаровым?

- Никак. Я же объяснил, никакого конфликта не было. Насколько мне известно, они передали все улики лично в руки Завадовскому, вот он и будет отвечать за пропажу. Доведите это до сведения обоих. Вам поручается расследование убийства Рейнберга, но при этом постарайтесь официально не увязывать его с делом фальшивомонетчиков. Будем считать, что поездка тайного советника в Петербург, это обычная командировка, никак не связанная с фальшивыми кредитными билетами и ничего более.

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

- Возьмите у секретаря приказ о вашем назначении и приступайте к исполнению своих новых обязанностей.

***

Нил Спиридонович Дымов стоял возле раскрытого окна своего кабинета. Он только что выпил чашку кофе и по сложившейся традиции собирался выкурить очередную папиросу, но тут дверь кабинета открылась, и вошёл товарищ председателя московского окружного суда Богданов.

- Извините, Нил Спиридонович, что я вот так врываюсь, но дело не терпит отлагательств.

Богданов не курил и вообще не выносил табачного дыма, поэтому Дымов с явным сожалением отложил пачку и вернулся на рабочее место. Богданов устроился на стуле, предназначенном для посетителей.

- Я только что от генерал-губернатора. Его высокопревосходительство своей властью назначил меня временно исполняющим обязанности председателя окружного суда вместо погибшего Петра Васильевича до тех пор, пока не будет высочайшего решения (4). Вы прекрасно знаете, что я никогда не претендовал на эту должность, тем более что и Рейнберг уже объявил Дубровина своим преемником.

- Наверняка Долгоруков знал об этом, ведь они с Рейнбергом были друзьями. Почему в таком случае губернатор выбрал вас?

- Тут нет никакого секрета. Дубровин и займёт кресло председателя, когда всё утрясётся. Как вы понимаете, я временная фигура, что-то вроде громоотвода. Ситуация в которой мы оказались в связи с убийством Рейнберга и пропажей всех вещественных доказательств по делу о фальшивых кредитных билетах, мягко скажем, хреновая. Это не учитывая комедию, которую разыграли с Завадовским. Если он сейчас решит всё переиграть, то даже не знаю, как отбрёхиваться буду. Правда, Ковальский клятвенно обещал, что полковник не станет ворошить прошлое.

- Я ничего не знал о…

- К вам, Нил Спиридонович, нет никаких претензий. Я тоже ничего не знал. Эту комбинацию провернули Рейнберг и Ковальский, а расхлёбывать придётся мне. До пенсии осталось два года, хотел тихо-смирно досидеть, никуда не лез и на тебе.

- Нужно было сослаться на возраст и здоровье, тогда бы назначили Дубровина.

- Так Дубровин, только узнав об убийстве Рейнберга, тут же лег в клинику. Якобы прострелило поясницу, да так, что встать бедный не может. Хитрец! Теперь мы его не увидим, пока вся эта котовасия (5) не закончится. – Богданов от безнадёжности махнул рукой. – Что теперь об этом говорить, нужно исправлять ситуацию. Собственно за этим я к вам и пришёл. Долгоруков решил всё переиграть. Не было никакого конфликта между приезжим полковником и председателем суда, а Рейнберг, вообще не вмешивался в расследование. Ведь вы с Макаровым никогда не отчитывались перед ним?

Дымов давно служил в этой системе и хорошо знал «правила» игры, поэтому сразу забыл о своих докладах Рейнбергу.

- Нет, мы отчитывались только перед Завадовским.

- И, как я понимаю, ему же передали все найденные по делу улики?

- Да. По приказу полковника всё отнесли к нему в кабинет.

- Прекрасно. Именно это вы и станете говорить, если потребуется. Буду вам очень признателен, Нил Спиридонович, если вы лично объясните ситуацию Григорию Ивановичу Макарову.

- Хорошо, сегодня же зайду в Сыскную часть.

- Так, с одним вопросом покончили. Теперь скажите мне, кто всё-таки раскрыл это дело, Рейнберг или Завадовский?

- Гордей Емельянович, мы с вами давно знаем друг друга, делить нам нечего, поэтому скажу прямо. Я не знаю, кто раскрыл это дело!

- Вот это номер! – Богданов в недоумении уставился на Дымова. – Как вас понимать?

- А вот прямо так и понимать. Ни ваш покорный слуга, - Дымов отвесил лёгкий поклон в сторону собеседника, - ни Завадовский, ни, тем более Рейнберг, не проявили вообще никакой инициативы: не высказали ни одной версии, не внесли ни одного толкового предположения и не нашли ни одной улики. Стыдно сказать, Гордей Емельянович, но всё за нас сделал простой сыщик – Григорий Иванович Макаров.

Пару минут Богданов сидел, молча, обдумывая услышанное. Наконец, он встал и протянул через стол свою руку Дымову.

- Спасибо за откровенность, Нил Спиридонович. – Богданов пожал руку следователю. - Далеко не каждый способен на подобный поступок. Я хорошо знаю Григория Ивановича. Он толковый сыщик и честный человек, что в наше непростое время такая же редкость, как и ваша откровенность. Материалов дела я не видел, только копии отчётов Завадовского и Рейнберга. Получается, что там, до правды, как до луны пешком. Поясните мне, как всё происходило? Просто ради любопытства, поскольку пока ещё никто не заставляет нас искать фальшивомонетчиков. Обещаю, всё сказанное останется межу нами.

- Когда Рейнберг назначил нас с Макаровым в комиссию по расследованию, мы встретились и поговорили. Григорий Иванович сразу сказал, что трупы из кунцевского могильника это работники подпольной типографии, которую «пасли» наши жандармы. Сама типография располагалась в доме мещанки Поповой на Старой Смоленской дороге, недалеко от Дорогомиловской заставы.

- Откуда ему это стало известно?

- К ним приезжал жандармский следователь поручик Уваров. Он сравнивал следы краски из дома Поповой с теми, что были обнаружены на руках и одежде убитых. Цвета совпали.

- Так, здесь всё логично и понятно. Что дальше?

- Нам нужно было добиться разрешения на осмотр дома, опечатанного жандармами или получить материалы расследования. Именно с этого мы и начали – выложили свои соображения Завадовскому и он договорился с жандармами. В опечатанный дом нас не пустили, но материалы предоставили. Там Макаров сразу обратил внимание на совпадение следов от оборудования, находившегося в доме Поповой с теми, что обнаружили в усадьбе фабриканта Тихомирова.

- Насколько мне известно, Григорий Иванович вел дознание по делу о разбойном нападении на усадьбу фабриканта Тихомирова, так что здесь пока тоже всё логично. Дальше.

- Дальше Макаров предложил проверить опись наследства, оставленного фабрикантом Тихомировым своему единственному сыну Дмитрию. Именно там мы и обнаружили странный договор на изготовление некоего оборудования и таким образом вышли сначала на завод изготовитель, а затем и на фальшивомонетчиков.

- А вот это уже интересно. Зачем изучать опись имущества, когда смерть Дмитрия Тихомирова никак не связана с наследством? Сдаётся мне, Нил Спиридонович, что у Григория Ивановича есть очень информированный осведомитель, а это дорогого стоит. Неплохо было бы с ним поговорить в неформальной обстановке. Не в службу, а в дружбу, пригласите Макарова как-нибудь вечером ко мне в кабинет. Посидим, выпьем коньячку, заодно и побеседуем по душам в неформальной обстановке.

- Постараюсь, Гордей Емельянович.

***

Несмотря на неудачи на любовном и профессиональном фронтах, Авилов спал на новом месте хорошо и проснулся довольно поздно. Спешить ему было некуда, и он ещё немного повалялся в постели, пока не почувствовал сильный голод. Нужно как-то налаживать быт, и в первую очередь найти поблизости хороший трактир, чтобы не светиться в гостинице. Первую половину дня Алексей решил посвятить решению личных и бытовых проблем, а после полудня приступить к поискам, правда, он даже не знал, с чего начинать. Убийство Рейнберга и пропажа вещественных доказательств по делу о фальшивых кредитных билетах его мало волновали, поскольку был запасной вариант, а вот арест Князева и Григорьева мнимыми жандармами сильно озадачил. Где их искать? Единственная зацепка это главный кукловод - майор Лаврентьев, но как ухватиться за эту тонкую ниточку он себе пока не представлял.

Выйдя на улицу, Авилов занялся поисками трактира. Близлежащий трактир его не устроил – слишком грязно, да и запах такой, что отбивает весь аппетит. Пришлось пройти чуть дальше. Выйдя на Мясницкую улицу, прямо на перекрёстке он увидел яркую вывеску «Трактиръ купчихи Барановой». Заведение ему приглянулось – чистое помещение, белоснежные скатерти и доброжелательный персонал. Заказав яичницу с ветчиной и кофе, Алексей плотно позавтракал и остался доволен качеством пищи.

После завтрака, настала пора заняться золотыми полуимпериалами. Конечно, три фунта не великий вес, и на поясе практически не ощущаются, но всё же спокойнее, если эти двести монет лежат в банке. Проблема в том, что официально нельзя ни положить в банк, ни обменять золотые монеты. Денежная система Российской империи вроде как была биметаллической, но золото использовалось только для внешнеторговых операций. Частные лица вынуждены были хранить свои золотые монеты дома в кубышках. Своего дома у Авилова не было, а хранить деньги на съёмной квартире это большой риск. Остаётся одно - арендовать безопасный ящик в банке. Наняв извозчика, Алексей поехал на Никитский бульвар, в Московскую контору Государственного банка Российской империи. Процедура оказалась довольно длительной, и освободился он далеко за полдень. Выпив кофе в ближайшем трактире, он отправился в Сыскную часть, узнать последние новости.

Макаров только что вернулся с обеда и курил на скамеечке в сквере. Пожав сыщику руку, Авилов пристроился рядом и тоже закурил.

- Есть что-нибудь по убийству Рейнберга?

- Немного. Убийство произошло на участке железной дороги Клин – Тверь. Там несколько мелких станций третьего - четвёртого класса (7), так что свидетелей практически нет. Один крестьянин, провожавший сына в Петербург на станции Кузьминская, видел, как из вагона первого класса вышли четыре человека в форме жандармов и сели в поджидавшую их карету. Из его показаний также известно, что двое несли довольно тяжёлый ящик.

- В каком часу это было?

- Судя по расписанию примерно в половине первого ночи. Труп и связанного кондуктора обнаружили уже в Твери. Это в двадцати верстах от станции Кузьминская.

- От Москвы до Твери сто семьдесят вёрст, минус двадцать, получается сто пятьдесят. Они никак не могли вернуться в Москву к девяти часам утра (8).

- Почему именно к девяти утра?

- В воскресенье в девять часов утра в клинике Розенфельда жандармами были арестованы, находившиеся там инженер Князев и химик Григорьев.

- Зачем нашим жандармам понадобились больные люди?

- В том то всё и дело, Григорий Иванович, что наши жандармы никого не арестовывали.

- Я ничего не понимаю, Алексей Николаевич. Ряженые?

- Да. Похоже, что и в поезде и в клинике Розенфельда орудовали переодетые в форму жандармов бандиты. Принимая во внимание расстояние, можно смело утверждать, что работали две отдельные группы. По показаниям врача в клинику приезжали четверо…

- И на станции Кузьминская тоже было четверо.

- Плюс ещё, как минимум один. Кто-то же пригнал карету к станции Кузьминская. Как видите, получается довольно крупная банда. Сколько человек было в банде у Ваньки-Беркута?

- Постоянных вместе с ним четверо, но подручных для конкретного дела он мог нанять без особых проблем. Например, как это было при налёте на усадьбу Тихомирова. Вас что-то беспокоит?

- Помните, мы не могли объяснить, зачем Кукловод оставил у себя совершенно ненужное оборудование? Форм для печати двадцатипятирублёвых ассигнаций у него нет, а для печати десятирублёвых банкнот это оборудование не подходит. Оказывается, он всё просчитал. Вот теперь у него есть и формы и бумага, и вдобавок ещё инженер с химиком. Сейчас, используя захваченный рулон бумаги, он может напечатать десять тысяч фальшивых четвертных билетов на текущие расходы и изготовить новое оборудование для печати купюр мелкого достоинства.

- Алексей Николаевич, но мы ведь знаем, что за фигурой Кукловода скрывается майор Лаврентьев.

- Это только наши предположения, Григорий Иванович, никаких доказательств противоправной деятельности Лаврентьева у нас нет. Реально Кукловод засветился только с Афанасием Серовым и Ванькой Беркутом, а они мертвы. Вот ваши сотрудники раскрыли дело о разбойном нападении на усадьбу Тихомирова, взяли людей Беркута, но фамилии организатора никто так и не назвал. Почему? Боялись? Нет, Григорий Иванович, просто не знали.

- Хорошо, можно зайти с другой стороны. Если за убийством Рейнберга стоит Лаврентьев, то он должен был отсутствовать на рабочем месте в воскресенье утром.

- Во-первых, его отсутствие ничего не доказывает, а во-вторых, как мы уже убедились, он очень хитёр и никогда не участвует лично в нападениях и ограблениях. По его наводкам банда Беркута несколько лет совершала дерзкие ограбления, однако его никто не видел.

- Но ведь убийство Ваньки Беркута его рук дело?

- Скорее всего. В этом случае у него просто не было выбора. – Авилов последний раз затянулся и, бросив папиросу под ноги, затоптал окурок. – Кто теперь будет вести дело о фальшивых кредитных билетах? Ведь нужно начинать всё с самого начала.

- Трудно сказать, Алексей Николаевич, там какие-то непонятные «подковёрные игры» (9) начались. Я так понимаю, ищут «козла отпущения» после провала Рейнберга. Перед вами приходил Дымов, и дал новую установку - теперь всем командовал не Рейнберг, а Завадовский. Материалы и улики мы передали ему лично, вот он и будет отвечать за пропажу.

- Но ведь Рейнберг повёз улики в Москву.

- А кто об этом знает? Никаких официальных документов наверняка нет. Мало того, что Завадовского избили, так ещё и свалят на него свои же промахи. Теперь ему точно не избежать отставки. Что вы собираетесь делать?

- Буду искать химика с инженером. Их нужно срочно вытаскивать из этой западни, поскольку живыми они оттуда не выйдут.

- Если не секрет, Алексей Николаевич, как вы собираетесь это сделать? В одиночку вам не решить эту проблему.

- Честно сказать, Григорий Иванович, я и сам пока не знаю. Теперь преступники затаятся. Они могут оборудовать подпольную типографию в любом месте – попробуй, найди. У вас есть какое-то предложение?

- Вместо Рейнберга временно поставили Гордея Емельяновича Богданова.

- Это как-то меняет ситуацию?

- Как сказать. Богданов хочет со мной поговорить. Дымов передал официальное приглашение, правда, он не сказал о чём конкретно пойдёт речь, но догадаться не трудно. Мне уже не раз приходилось сталкиваться по работе с Богдановым – умный и толковый следователь. Сейчас он попал в трудное положение. Ему нужно как-то уладить проблему с Завадовским, и параллельно расследовать смерть Рейнберга, которая напрямую связана с делом о фальшивых ассигнациях. Заколдованный круг.

- Думаете, опять создадут комиссию?

- Нашу комиссию пока ещё никто не распускал. Думаю, Богданов вернётся к этому расследованию, а поскольку там всё шито белыми нитками, то мне придётся назвать вашу фамилию.

- Называйте, Григорий Иванович. Объясните, что по заданию редакции, я занимался трупами из кунцевского могильника, и случайно вышел на фальшивомонетчиков. Передал всю собранную информацию и улики вам, а сам вернулся в Петербург.

- Не хотите светиться?

- Кукловод не знал о моём существовании, благодаря чему я работал в спокойной обстановке и смог добиться успеха. Вот и сейчас, будет лучше, если я останусь в тени. Я съехал из гостиницы и снял комнату в доходном доме Карелина в Милютинском переулке.

- Знаю этот дом. Там живут негласные осведомители, которых я вам порекомендовал.

***

Расставшись с Макаровым, Авилов отправился обедать. Сидя за столом в трактире Барановой он совмещал приятное с полезным – утолял голод и размышлял. С Князевым всё понятно – на заводе знали, что главный инженер получил травму и лежит в клинике Розенфельда. А вот, как преступники узнали про Григорьева? Кто вообще знал, что он лежит в клинике? Доктор Дмитриев и акушерка Полякова. Их можно сразу исключить, поскольку они не имели понятия, кто он вообще такой. Следующий на очереди сыщик Макаров. Вот он знал всё, но его тоже можно исключить. Будь он пособником преступников, сразу бы отдал им и формы и бумагу, без всякой волокиты. Валевский? Этот хорошо знал Григорьева, но не имел понятия о том, что тот лежит в клинике Розенфельда. То же самое можно сказать и про Михайлова. Остаётся Гольдбах. Покончив с обедом, Авилов вышел из трактира и, поймав извозчика, поехал к фотографу. Небольшой двухэтажный каменный домик в Брюсовом переулке, где проживала чета Гольдбахов, утопал в буйной зелени окружавшего сада. Аркадий Самуилович отдыхал после обеда в летней беседке, куда горничная и проводила гостя.

- Алексей Николаевич! – Воскликнул обрадованный фотограф, пожимая журналисту руку. – Не ожидал вас увидеть. Думал, вы уже вернулись в Петербург.

- Собирался, Аркадий Самуилович, но как видите, пришлось задержаться.

- Чай, кофе или что покрепче?

- Не беспокойтесь, я на минутку. Всего один вопрос. – Авилов сел рядом. – Аркадий Самуилович, вы никому не говорили про Вадима Григорьева? О том, что он лежит в клинике Розенфельда.

По тому, как Гольдбах задумался и медлил с ответом, Авилов понял, что попал в цель.

- Только жандармскому офицеру. – Наконец медленно произнёс фотограф. – А почему вы спрашиваете?

- Григорьева похитили из клиники.

- Бог мой! – Схватился за голову Гольдбах. – Опять я сдал Вадима!

- Аркадий Самуилович, скажите, что за офицер и почему он интересовался Григорьевым?

- На следующий день, после того, как я вернулся домой, к нам приехал жандармский офицер. Он сказал, что в моем похищении подозревают бомбистов, и он обязан меня допросить. Учитывая, моё состояние, он не стал вызывать повесткой, а приехал лично.

- Что вы ему рассказали?

- Что похитители ошиблись на мой счёт, что им нужен был не я, а химик Григорьев. Естественно, он захотел побеседовать с Вадимом, и я направил его в клинику.

- Звание и фамилию офицера помните?

- Ротмистр, а вот фамилия…

- Бог с ней с фамилией. Вам раньше приходилось иметь дело с жандармами?

- Да, много раз. В молодости, когда я начинал, ко мне часто обращались по работе – помогал фотографировать революционеров, да и на допросах тоже приходилось бывать. Само я в эти дела никогда не лез, а вот некоторые из моих работников имели такую склонность.

- Этот офицер не вызвал у вас никаких подозрений?

- Нет, Алексей Николаевич. Могу уверить вас, он точно офицер, а вот настоящий или бывший не скажу. По выправке и манере ведения допроса точно жандарм.

- Можете описать, как он внешне выглядел?

- Лет тридцать пять, высокого роста, крепкого сложения. На лице ни шрамов, ни родинок, только усы. Волосы светлые, слегка вьются, отдают в рыжину, из-за чего усы смотрятся немного комично и издали напоминают грязь под носом.

- Моё имя в разговоре упоминалось?

- Нет, Алексей Николаевич, вы же сами утверждали, что нас с Вадимом спас Григорий Иванович. Я так этому офицеру и сказал, что нас освободила сыскная полиция.

***

Примечания:

1. Коллежский секретарь – чин 10-го класса в табели о рангах.

2. Набоков Дмитрий Николаевич (1826 – 1904) – русский государственный деятель, сенатор, министр юстиции (1878 – 1885). Дед писателя Владимира Набокова и композитора Николая Набокова.

3. Товарищ – здесь в смысле заместитель. В рамках судебной реформы 1864 года у председателя окружного суда были два товарища (заместителя).

4. Согласно судебной реформе 1864 года, председателей и членов окружных судов назначал император по представлению министра юстиции.

5. Котовасия – беспорядок, хаос или путаница в какой-либо ситуации.

6. «Безопасный ящик» - аналог современной банковской (сейфовой) ячейки.

7. Всего на маршруте Петербург – Москва в XIX веке было 34 станции четырёх классов. Класс зависел не от размера населённого пункта, а от производственной надобности железнодорожников. Например, между станциями I класса располагались станции II класса, чтобы паровозы, отправляясь со станции I класса, могли довезти состав до станций II класса и в тот же день вернуться назад. Москва и Тверь станция I класса, а между ними Клин – II класса. На станциях в соответствии с их классом строились и вокзалы: I и II классов - протяжённые каменные здания вдоль путей из кирпича, III и IV — деревянные, сбоку от путей.

8. Почтовый экипаж мог преодолеть 100 – 140 км за сутки.

9. «Подковёрные игры» - скрытые манипуляции, интриги и секретные действия, которые происходят за кулисами. Цель – добиться своих целей не афишируя своих намерений или действий.

Глава 3

Новый план Авилова. Москва, 21 июня 1880 года.

Возвращаясь с перевязки к себе в палату, Завадовский, от скуки спустился в приёмный покой почитать свежую прессу. На первой странице газеты «Московские ведомости» ему в глаза сразу бросился заголовок, набранный крупным шрифтом: «Таинственное убийство в поезде», а чуть ниже в самом тексте мелькнула фамилия Рейнберг. Схватив газету, Завадовский лихорадочно принялся читать. Руки тряслись, буквы прыгали перед глазами, но всё же он уловил смысл – в поезде Москва – Петербург убит тайный советник Рейнберг. Прихватив с собой газету, он вернулся в палату.

- Ну, что? Получил, сука! – Радостно произнёс полковник, кладя газету на подоконник и потирая от удовольствия руки. – Недолго же ты почивал на чужих лаврах, старый прохиндей, даже до Петербурга не доехал.

Достав пачку папирос «Герцеговина Флор», Завадовский закурил. С наслаждением сделав первую затяжку, он успокоился, снова взял в руки газету и начал внимательно читать. Статья была короткой, но полковнику и этого хватило, чтобы у него опять испортилось настроение. Из купе, которое занимал Рейнберг, пропал весь багаж. А что тайный советник мог вести с собой в Петербург? Только улики: формы, чертежи, рулон бумаги с водяными знаками и документы по делу о фальшивых четвертных билетах. И что теперь? Чем глубже Завадовский вникал в сложившуюся ситуацию, тем яснее понимал, что убийство Рейнберга только осложнило его собственное положение и радоваться тут абсолютно нечему. Как ни прискорбно признавать, но виноват в случившемся он сам. Необходимо было ежедневно телеграфировать о ходе следствия министру внутренних дел, тогда бы у Рейнберга не возникло желание присваивать себе чужие заслуги.

- Задним умом мы все сильны. – Словно оправдываясь, произнёс вслух Завадовский. – Только вот, что мне сейчас делать?

Исконно русский вопрос застал полковника врасплох. Он оказался в подвешенном состоянии, поскольку никак не мог повлиять на ситуацию. Действительно, кто он сейчас: герой, получивший ранение при задержании опасного преступника или личный представитель министра внутренних дел, ответственный за поимку фальшивомонетчиков? По здравому размышлению выходило, что лучше было остаться «героем».

Выбросив в окно окурок, и отложив в сторону газету, Завадовский метнулся к шкафу, где были сложены вещи, привезённые из гостиницы, и принялся судорожно искать документы. Через пять минут он понял всю бесплодность своих поисков. Документов нет! Никаких! Ни рапорта о его «геройском» поведении при задержании банды Ваньки Беркута, ни ходатайства о награждении орденом «Святой Анны», ни бумаг из Тверской полицейской части. Ничего!

- Суки! – Завадовский в изнеможении сел на пол. – Всё подчистили, скоты!

По всему выходило, что за провал придётся отвечать ему, а что он может предъявить? Да, он знает, что станок заказал фабрикант Сергей Тихомиров, что изготовили его на заводе братьев Бромлей, что фальшивые кредитные билеты печатал сын фабриканта Дмитрий Тихомиров со своими подельниками, вот только всё это бездоказательно. Никаких улик нет, а преступники мертвы. Даже то, что Тихомиров официально заказывал станок на заводе и есть все документы, ничего не даёт, поскольку нет самого станка, и никто не может точно сказать, для чего он предназначался. Завадовский лучше других знал статьи из «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», где чётко сказано, что для предъявления обвинения в фальшивомонетничестве необходимы веские улики: оборудование, ассигнации, обрезки бумаги, черновые эскизы или, на худой конец, варианты подписей. Без конкретных улик, его никто не будет слушать, да и в виновность Дмитрия Тихомирова теперь никто не поверит. Никакого

смысла лежать в больнице дальше не было. Завадовский подошёл к зеркалу, осмотрел своё лицо и с трудом узнал – краше в гроб кладут. Черты лица заострились, нос опух, под заплывшим левым глазом красуется отдающий фиолетовым цветом синяк. Довершали картину желтушный цвет лица и трёхдневная щетина, придававшие полковнику вид бездомного бродяги. Отойдя от зеркала, он в расстроенных чувствах опустился на кровать, обхватил голову руками.

Услышав стук в дверь, Завадовский быстро поднял голову и вытер глаза рукавом халата.

- Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился его бывший друг и начальник Алексей Авилов – человек, которого Завадовский в сложившихся обстоятельствах, хотел бы видеть меньше всего.

- Пришёл позлорадствовать?

- Ты прекрасно знаешь, что я этим никогда не грешил. Может, для начала поздороваешься с бывшим сослуживцем, ведь шесть лет не виделись?

Авилов закрыл дверь и, подойдя к кровати, подал Завадовскому руку, которую тот, после небольшой паузы неуверенно пожал.

- Что, Сергей Михайлович, ищешь виноватых?

- Тебе-то какое дело? – Огрызнулся Завадовский, не поднимая головы. – Откуда ты знаешь, что произошло? Как ты вообще здесь оказался?

- По заданию редакции занимался кунцевским могильником. – Авилов взял стул и сел напротив и облокотился на спинку. - В ходе журналистского расследования постепенно докопался и до фальшивых кредитных билетов…

- А потом слил всю информацию Макарову?

- Вижу, с мозгами у тебя всё в порядке.

- Я ещё тогда догадался, что Макаров не сам всё это раскопал. – Не обиделся на язвительное замечание Завадовский. - Не стал допытываться, просто потому, что меня интересовал только результат. Нужно было в этот же день выезжать в Петербург.

- Честно говоря, я думал, что именно так ты и поступишь.

- Понимаешь, я был уверен, что один день ничего не решает. Мы сложили формы, чертежи и бумагу в моём кабинете. Вечером, когда я уходил, Рейнберга не было на месте, он после обеда уехал на совещание к губернатору и мог вообще не вернуться в Кремль (1). Поэтому я решил на следующий день утром доложить ему и Долгорукому об окончании следствия и своём отъезде.

- Получается, что ты ничего не говорил Рейнбергу об окончании расследования и найденных уликах?

- Говорю же тебе, его не было. Я не стал дожидаться и решил перенести разговор на утро. Дурак! Теперь вот придётся расплачиваться за свою глупость. Попался, как мальчишка.

Авилову понравилось, что Завадовский трезво оценивает своё положение, не скулит и не обвиняет во всём Рейнберга.

- Что собираешься делать?

- А что мне ещё остаётся? Теперь всё спишут на меня. Неужели ты думаешь, что Долгоруков подставит своего мёртвого друга? Придётся начинать сначала. Задание никто не отменял. Как только выйду из больницы, продолжу искать фальшивомонетчиков.

- Пустая трата времени. У них на руках все козыри: не только оборудование, формы и бумага, но так же инженер с химиком, разработавшие этот способ печати. Они теперь спокойно могут печатать фальшивые деньги в любом месте, даже за границей. Где ты собираешься их искать?

- Всё настолько плохо?

- Не совсем. Есть кое-что обнадёживающее. У фальшивомонетчиков только один рулон бумаги. Максимум они могут напечатать лишь десять тысяч двадцатипятирублёвых кредитных билетов, которые никоим образом не подорвут финансовую стабильность государства.

- Им нужно будет заказывать бумагу? – Догадался Завадовский. – И на этом их можно поймать!

- Верно, однако, это долго и не столь эффективно. Лучше пойти другим путём - максимально осложнить преступникам сбыт фальшивок. Для этого нужно всего лишь запретить хождение в стране кредитных билетов достоинством двадцать пять рублей.

- Министерство финансов на это не согласится. - Возразил Завадовский. – Ладно, купцы и фабриканты сейчас в основном используют безналичный расчет, а как быть простым обывателям?

- Государственный банк Российской империи и все его филиалы будут обменивать эти банкноты по номинальной стоимости, так что никто не пострадает. Фальшивые четвертные билеты в банк не понесут.

- Чёрт! Как мы сразу не догадались! Прекрасная идея! – Оживился Завадовский. - Перед своим отъездом я заходил к Винбергу (2). Под его руководством в экспедиции заготовления государственных бумаг как раз разрабатывали инструкцию по определению этих фальшивок. Наверняка она уже готова. Остаётся только издать указ об обмене двадцатипятирублёвых кредитных билетов образца 1866 года и разослать по всем филиалам Государственного банка Российской империи инструкцию (3).

- Таким образом, мы не только затрудним преступникам сбыт фальшивок, но и вынудим их перейти на изготовление купюр меньшего достоинства.

- А это связано с какими-то трудностями?

- Им придётся проектировать и изготавливать новое оборудование и вот тут возникает много проблем. Все кредитные билеты образца 1866 года имеют разные размеры и водяные знаки, а это означает, что они смогут начать проектирование оборудования только после того, как получат бумагу. По моим сведениям, бумагу заказывали в Бельгии. Страна маленькая, там не так много предприятий, способных выполнить подобный заказ. Наверняка у начальника заграничного отдела по борьбе с фальшивомонетчиками (4) полковника Кирсанова есть список этих фирм.

- За границей нашим агентам тяжело работать, может и не получиться.

- Если не получиться взять их с поличным на бумаге, создадим другие трудности. Новое оборудование на коленке в сарае не сделаешь, им придётся обращаться на механический завод. Предприятий, способных выполнить этот заказ не так много и все их легко взять под контроль.

- Нужно будет составить план первоочередных мер, чтобы не запутаться.

- Я тут всё уже набросал. – Авилов достал из бокового кармана пять листов, исписанных с одной стороны, и передал Завадовскому. – На трёх листах план первоочередных мероприятий по борьбе с фальшивомонетчиками, а ещё на двух, статья для газеты «Петербургский листок». Не сочти за труд, занеси в редакцию.

- Всё сделаю, Алексей, не беспокойся.

- Не трать время, прочитаешь в поезде. Сейчас быстро собирайся. Всем скажешь, что надоело валяться без дела и возвращаешься в гостиницу, а сам прямым ходом на вокзал и в Петербург.

После ухода Авилова, окрылённый неожиданным поворотом дела Завадовский не стал терять время, а наскоро побрился, переоделся в цивильный костюм и, послав бурно протестующего врача куда подальше, рванул на Николаевский вокзал.

***

Богданов достал бутылку армянского коньяка, две плитки шоколада «Эйнем» (5) и три красивых бокала в форме тюльпана на длинной ножке. Разлив божественный золотистый напиток он встал и произнёс тост:

- Господа, давайте выпьем за упокой души Петра Васильевича Рейнберга.

- Царство ему небесное. – Подхватил тост Дымов.

- Упокой Господи, его душу. – Тихо добавил про себя Макаров.

Все встали и, молча, выпили до дна. Богданов развернул шоколадку, разломил плитку на маленькие дольки и подвинул на середину стола. Пару минут в кабинете стояла тишина, каждый думал о своём и, молча, наслаждался отменным вкусом армянского коньяка и ванильного шоколада.

- Григорий Иванович, не буду скрывать от вас, что смерть тайного советника Рейнберга, пропажа улик и материалов по делу о фальшивых четвертных билетах сильно осложнили ситуацию. Мошенники в любой момент могут возобновить свою деятельность, и мы не можем им никак помешать. Нил Спиридонович честно признался, что именно вы, а не Рейнберг или Завадовский фактически руководили следствием. – Заметив, что сыщик собирается возразить, Богданов остановил его жестом руки. – Не нужно отрицать очевидного. Именно от вас исходили все версии, идеи и предложения. Сегодня нам, как никогда нужна ваша помощь. Судя по всему, у вас есть очень осведомлённый информатор и я не прочь воспользоваться его услугами. Назовите сумму.

- Вы слишком переоцениваете мои скромные способности, Гордей Емельянович. В этом деле у меня отнюдь не главная роль, я даже не актер, а скорее суфлёр, озвучивающий чужие мысли и идеи.

- В таком случае, кто же главный персонаж?

- Распутал это дело петербургский журналист Алексей Николаевич Авилов. «Петербургский листок» заинтересовался кунцевским могильником, и по заданию редакции он проводил журналистское расследование здесь в Москве. Вот он всё и раскопал. Не желая светиться, он через меня выдал всю информацию и добытые улики Завадовскому.

- Господа, у меня голова идёт кругом. – Богданов встал и разлил коньяк. – Давайте выпьем ещё по одной для просветления мозгов.

Минут через десять, после того, как все дружно выпили и закусили, он продолжил:

- Я не знаком лично с господином Авиловым, но материалы его журналистских расследований читал. Написано очень профессионально, со знанием дела. Мне известно, что он когда-то был жандармским офицером…

- И служил вместе с полковником Завадовским. – Добавил Макаров. – Точнее, Авилов был его непосредственным начальником.

- Интересный факт, Григорий Иванович. Между ними случайно не пробегала «черная кошка»?

- Как вы догадались?

- Сужу лишь по тому, что Авилов вышел в отставку, а карьера Завадовского резко пошла вверх.

- Шесть лет тому назад, Алексей Николаевич отказался фабриковать дело против дочери Льва Николаевича Перовского…

- А Завадовский согласился. – Догадался Богданов. – К сожалению, господа, типичная для нашего времени ситуация. Авилов ещё в Москве?

- Этого я не знаю.

- Григорий Иванович, не в службу, а в дружбу. Если Авилов ещё не уехал, передайте ему, что я хотел бы с ним встретиться.

***

Покинув больницу, Авилов поужинал в трактире Тестова и решил немного отдохнуть. Ещё по прошлым своим командировкам он знал, что сильнейшие московские шахматисты собираются в доме купца 1-й гильдии Бронникова на Театральной площади. Одиннадцать лет назад, в далёком 1869 году купец сдал свой бельэтаж театру московского «Артистического кружка» под руководством известного российского драматурга Александра Николаевича Островского. Там собирались литераторы, актёры, музыканты и художники (6). Читали новые

пьесы, исполняли музыкальные произведения, ставили спектакли силами членов кружка, как профессионалов, так и любителей. Там работали курсы для начинающих актёров, читались лекции и проходили выставки. Дом купца Бронникова, без преувеличений, стал своеобразной Меккой для театрально-художественного бомонда Москвы. В 1877 году руководители кружка одну из комнат второго этажа отдали только что организованному «Обществу любителей шахматной игры» (7) и к заядлым театралам присоединились сильнейшие московские шахматисты.

Заплатив на входе рубль, Алексей поднялся на второй этаж. В небольшой светлой комнате вдоль стен стояли десять столиков с шахматными досками. Людей было немного, всего восемь человек. Два столика были заняты играющими, ещё трое внимательно наблюдали за игрой, переходя от одной партии к другой, и шепотом обменивались мнениями. Ещё один из посетителей сидел отдельно за ближним к двери столиком, внимательно изучая какие-то бумаги. К удивлению Авилова это были не шахматные партии, а нотные записи.

- Вы новенький? - Шёпотом спросил «музыкант». – Я вас раньше здесь не встречал.

- Журналист из Петербурга. – Так шёпотом пояснил Алексей. – Здесь в командировке, решил посмотреть, как живут московские шахматисты.

- С Чигориным уже встречались?

- Два раза, правда, результатом похвастаться не могу.

- Прекрасно. – Незнакомец встал и протянул Авилову руку. - Разрешите представиться, Соловцов Александр Владимирович (8), преподаватель музыки.

- Авилов Алексей Николаевич, журналист.

- Самый известный криминальный журналист Северной столицы?

- Насчёт известности мне трудно судить.

- Скромность хорошая черта характера.

- Как и у вас, Александр Владимирович.

- А у меня есть какие-то заслуги?

- Ну как же, а победа в шахматном матче Петербург – Москва в 1878 году (9)? Всем любителям шахмат известно, что возглавляли московскую команду именно вы.

- Вы забыли про Евгения Александровича Шмидта (10).

- Так и за Петербург тогда играли наши сильнейшие шахматисты – Чигорин (11) и Шифферс (12).

- Прошу. – Соловцов указал на свободное место за своим столиком. – Ставка пять рублей.

Авилов занял своё место, а «противник» протянул ему зажатые в кулаках разноцветные пешки.

- Выбирайте.

Алексею достались белые, и он без раздумий двинул вперёд на два поля королевскую пешку. Борьба закипела. Через десять минут выяснилось, что соперники разыграли острый вариант Русской партии (13), изобилующий многочисленными ловушками в одну из которых вскоре и угодил Алексей, потеряв пешку. В дальнейшем ему пришлось приложить максимум усилий, чтобы в эндшпиле (14) построить крепость (15) и тем самым свести партию к позиционной ничьей. Два часа пролетели незаметно, и когда Авилов оторвал взгляд от доски, то с удивлением обнаружил, что вокруг их столика толпилось человек двадцать. Зафиксировав ничью, довольные соперники пожали друг другу руки, а благодарная публика разразилась аплодисментами.

- Спасибо, Алексей Николаевич. – Несмотря на упущенную победу Соловцов явно пребывал в хорошем настроении. – Нечасто встретишь столь упорное сопротивление. Поверьте, получил истинное удовольствие от партии.

- Взаимно, Александр Владимирович.

Извинившись, Соловцов, забрав свои нотные записи, отправился к театралам. Публика постепенно разошлась, продолжая обсуждать только что сыгранную партию, и за отдельными столиками вновь возобновились шахматные баталии. Авилов хотел уже подыскать себе нового партнёра, как вдруг, напротив него уселся модно одетый молодой человек.

- Хорошо играли, Алексей Николаевич.

- Вас трудно узнать без формы, Пётр Семенович. – Авилов пожал протянутую жандармским поручиком руку. – Не боитесь взыскания за ношение цивильной одежды (16)?

- В целях конспирации при осмотре подозрительных мест нам разрешено носить гражданское платье. Вам это должно быть хорошо известно.

- Не знал, что московский шахматный клуб является рассадником революционной заразы.

- На самом деле я здесь не по служебной надобности.

- Любите шахматы?

- А что мне остаётся? - Картинно развел в сторону руки Уваров. - Только любить эту древнюю мудрую игру, поскольку способностей нет, и играю я из рук вон плохо.

- Нужно изучать теорию и больше практиковаться.

- На это требуется время, которого у меня нет. Так, забегаю иногда вечерком, сыграть партию-другую с такими же бездарями, как сам или в сеансе одновременной игры с большой форой.

- Уже сыграли?

- Нет, Алексей Николаевич, сегодня я здесь совсем по другому поводу. Кстати, вы уже слышали, что случилось с вашим бывшим однополчанином Вельегорским?

- Москва город большой, Пётр Семёнович, но слухи здесь распространяются ничуть не медленнее, чем в обычной деревне.

- Я когда узнал, долго смеялся. Понимаю, нехорошо с моей стороны, но граф сам виноват. Он презирает людей, а гордыня – один из семи смертных грехов. Представьте себе, среди своих знакомых я не встретил ни одного сочувствующего. – Увидев вошедшего в комнату молодого человека, Уваров вдруг встрепенулся. - Кстати, Алексей Николаевич, хорошо, что я вас встретил. Срочно нужна ваша консультация по одному очень странному происшествию.

- Себе вы уже не доверяете?

- У вас огромный опыт, которого у меня пока нет. Энергия и энтузиазм, это хорошо, но без опыта можно таких дров наломать. Знакомьтесь, мой друг Викентьев Павел Платонович, секретарь московского генерал-губернатора.

- Один из многочисленных секретарей. – Поправил друга Викентьев, пожимая Авилову руку. – Рад знакомству Алексей Николаевич.

- Вижу, мне представляться не нужно.

- Пётр вас уже представил, пока мы с ним наблюдали за вашей игрой. Давайте поговорим где-нибудь в другом месте, чтобы не мешать шахматистам.

Они спустились на первый этаж и расположились в фойе на стоявшем возле стены изрядно потёртом диване.

- Недавно я получил в наследство от своей тёти Алфёровой Марфы Степановны небольшой загородный дом в Сокольниках. И вот вчера ночью кто-то проник в дом через окно подсобного помещения. Судя по следам, злоумышленник пришёл со стороны соседней, давно заброшенной усадьбы. Выставил стекло, залез в подсобку, а оттуда прошёл в столовую. Больше никуда не заходил, ничего не взял и ушёл тем же путём, вставив на место стекло.

- Вы уже обращались в полицию? – Спросил Авилов.

- А что я предъявлю? Следы песка с садовых дорожек на полу? Как я уже сказал, ночной гость ничего не взял. Всё на месте, вплоть до последней вилки.

- Тогда в чём проблема?

- Проблема в том, Алексей Николаевич, что я патологически не выношу неопределённости. Согласитесь, что ситуация довольно странная. Зачем тратить столько усилий – лезть через забор, снимать оконные штапики, выставлять стекло и забираться в подсобку? Ради чего? Чтобы в полной темноте обойти по кругу столовую и вылезти обратно, тщательно устранив все следы своего пребывания? Это похоже на бред сумасшедшего. Мне сейчас требуется помощь квалифицированного сыщика. Естественно, ваши услуги будут оплачены.

- Пока об оплате говорить рано. – Отмахнулся Авилов. - В доме есть какие-нибудь ценности?

- Самое ценное, что там имеется, это столовое серебро и чайный сервиз из севрского фарфора. Этот дом, что-то вроде загородной дачи, где Алфёровы проводили в общей сложности лишь три-четыре месяца в году.

- Не передавалось ли в семье каких-либо фамильных преданий о спрятанных сокровищах?

- Ничего подобного, Алексей Николаевич. Никаких разговоров о тайных кладах в виде сундуков набитых золотыми монетами и драгоценными камнями. Алфёровы жили довольно скромно.

- Вы не думали обратиться к специалистам, с просьбой оценить фарфор и столовое серебро?

- Думал. Как раз завтра в одиннадцать часов по этому вопросу в Сокольники должен подъехать антиквар Федосеев.

- Хорошо, Павел Платонович, тогда, если вы не возражаете, я приеду на час раньше, чтобы осмотреться на месте.

- Договорились, Алексей Николаевич, жду вас ровно в десять часов утра по адресу Митьковская улица дом № 21. Я приказал ничего не трогать и не убираться в столовой, так что все следы на своих местах. Прошу меня простить, господа, но я вынужден вас покинуть – дела.

После ухода Викентьева Авилов и Уваров прошли в буфет, и выпили по бокалу шампанского.

- Я ваш должник. – В знак благодарности Уваров пожал Авилову руку. – Вы сняли с моих плеч непосильную ношу.

- Ловлю на слове, Пётр Семёнович, мне действительно требуется ваша помощь. Я задержу вас буквально на пару минут.

- Буду рад помочь.

- Две маленькие просьбы. Мне нужно знать, кто допрашивал задержанного 7 марта 1879 года Афанасия Серова?

- Которого убили во время нападения на усадьбу Тихомирова?

- Верно.

- Это первая просьба. – Уваров достал блокнот, записал дату и фамилию. – Переходите ко второй.

- Если возможно, выясните, был ли майор Лаврентьев на службе 20 июня.

- Могу ответить сразу – был. Во всяком случае, с утра и до обеда точно. В этот день я дежурил и несколько раз пересекался с ним по служебной необходимости.

- В таком случае, остаётся только одна просьба.

***

Примечания:

1. Здание Московского окружного суда располагалось на территории Кремля.

2. Винберг Фёдор Фёдорович (1820 – 1891) – управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг (1861 – 1889).

3. Государственный банк Российской империи был образован в 1860 году. К началу 1880 года имел 47 филиалов по всей стране.

4. В XIX веке специальный отдел по борьбе с фальшивомонетчиками при Министерстве внутренних дел состоял из двух подотделов: по внутренним делам (его в романе возглавлял полковник Завадовский) и по международным.

5. «Эйнем» - кондитерская фабрика (полное название «Товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений «Эйнем»). В настоящее время «Красный Октябрь».

6. Исторический факт. Артистический кружок арендовал эти помещения с 1869 по 1882 годы, пока не закрылся из-за финансовых проблем.

7. Исторический факт. Позднее, с 1890 по 1902 годы шахматный кружок располагался в доме барона Шеппинга на Большой Дмитровке.

8. Соловцов Александр Владимирович (1847 – 1923) – русский шахматист, первый официальный чемпион Москвы (1899 год). Профессор Московской консерватории.

9. Исторический факт. В 1878 году состоялся шахматный матч по переписке между Москвой и Петербургом. Шахматисты Москвы выиграли обе партии.

10. Шмидт Евгений Александрович (1821 – 1905) – русский шахматист немецкого происхождения.

11. Чигорин Михаил Иванович (1850 – 1908) – сильнейший шахматист России на рубеже 19 – 20 веков.

12. Шифферс Эммануил Степанович (1850 – 1904) – русский шахматист, немецкого происхождения

13. «Русская партия» - или «Защита Петрова». Один из самых популярных открытых дебютов в конце 19 века.

14. Эндшпиль – заключительная часть шахматной партии.

15. Крепость в шахматах – позиционная ничья. Слабейшей стороне удаётся построить неприступную позицию, куда не могут проникнуть фигуры противника.

16. В Своде военных постановлений 1869 года (статья 835) прямо сказано, что всем военным чинам, состоящим на службе, запрещено ношение гражданской одежды. Эта строгость в отношении обязательного ношения формы была частью общей дисциплины эпохи. Внешний вид офицера считался не просто вопросом моды, а элементом воинской этики и общественного статуса. На практике существовали определённые послабления.

Глава 4

Авилов приступает к расследованию. Москва, 22 июня 1880 года.

Как и договаривались, Авилов подъехал в Сокольники ровно к десяти часам. Викентьев встретил гостя возле дома и предложил выпить кофе, но Алексей отказался и в сопровождении садовника отправился осматривать «место преступления». Первым делом он осмотрел окно в подсобку и сразу обратил внимание, что оконные штапики, крепившие стекло (1) совершенно свежие в отличие от тех, что стояли на других окнах..

- Стекло недавно меняли? – Спросил он у садовника.

- Третьего дня кто-то разбил, пришлось вызывать стекольщика.

Авилов осмотрел четыре соседних окна столовой. На каждом без особых проблем, с помощью ножа можно было снять только нижний штапик, краска на котором потрескалась и шелушилась от времени. Два боковых и верхний штапики были основательно залиты несколькими слоями краски. Понятно, зачем разбили окно – чтобы легко и незаметно вытащить стекло. Стоя под окном, Алексей поднял руку. Несмотря на высокий рост до верхнего края окна оставалось ещё не меньше аршина (2).

- Чтобы снять штапики и аккуратно достать стекло, необходимо было что-то подставить. – Он указал на четыре продолговатые ямки, хорошо заметные на траве. – Стул явно маловат (3).

- Похоже, использовали подставку прачки. Она здесь за углом стоит.

Авилов прошёл вслед за садовником и, завернув за угол здания, увидел у стены грубо сколоченную деревянную конструкцию – три ступеньки, а сверху четвертая в виде небольшой площадки. На удивление, конструкция оказалась довольно прочной, и не такой тяжёлой, как могло показаться. Её несложно было перенести под окно даже одному человеку.

- Зачем прачке эта подставка?

- Бельё вешает. Марья роста небольшого, а верёвки натянуты высоко, чтобы чистое бельё не полоскалось по грязной траве. Вот я и сбил ей подставку.

Как раз недостающий аршин – оценил высоту деревянной конструкции Алексей. Судя по отпечаткам, именно ей и воспользовались для проникновения в дом.

- Подставка всегда стоит на этом месте?

- Летом, почти всегда. Только, когда начинается сильный дождь, я заношу её в дровяной сарай.

- А можно определить, с какой стороны пришёл ночной гость?

- По следам выходит, что пришёл он со стороны пустыря. – Садовник показал рукой в сторону дальнего конца сада. – Там давно заброшенная соседняя усадьба, буйно заросшая сорняками. Пойдёмте, ваше благородие, я вам покажу.

Малозаметная цепочка следов тянулась по траве от дома к дальнему краю сада. В нескольких местах, в основном на краю цветочных клумб отпечаток мужского ботинка был отчётливо виден. Деревянный забор по всему периметру усадьбы был высоким, не меньше сажени с четвертью (4), и добротным. Никаких щелей и оторванных досок, по словам садовника, он не обнаружил, зато показал место, где ночной гость перелезал через забор. На траве были видны глубокие отпечатки каблуков.

Поблагодарив садовника, Авилов ухватился за край забора, подтянулся, и ловко перебросив свое упругое тело, оказался на другой стороне. Смежная, давно заброшенная усадьба обильно поросла бурьяном, сквозь который от забора к старому полуразвалившемуся барскому дому тянулась едва заметная тропа. Алексей достал револьвер, и осторожно пошёл к дому. Входная дверь была не заперта и противно заскрипела, когда он её открывал. На пыльном полу была хорошо видна цепочка следов, ведущих к лестнице, причём, в обоих направлениях. Судя

по всему, дом посещали не один раз. Ступая след в след, Алексей медленно двинулся вперёд, отметив про себя, что размер ноги неизвестного был на дюйм больше. Рассохшиеся половицы противно скрипели под его весом, выдавая присутствие постороннего в доме. Если наверху кто-то был, он уже давно знал о появлении чужака. Держа револьвер наготове, Алексей стал медленно подниматься, двигаясь не по центру лестницы, а как можно ближе к стене, чтобы уменьшить нагрузку на ветхие ступени, стараясь при этом, всё время держать в поле зрения площадку второго этажа. Ничего не произошло, и он спокойно поднялся. Справа располагалось окно, от которого осталась только одна деревянная рама. Как и на первом этаже, пол покрывал толстый слой пыли, судя по девственной чистоте которого, можно было сразу сказать, что неизвестный не ходил по комнатам второго этажа. Весь его интерес был сосредоточен на пятачке возле разбитого окна, из которого открывался прекрасный вид на дом Викентьева. Даже без подзорной трубы Алексей хорошо разглядел окно подсобки и стоявшую за углом подставку.

На полу, среди осколков стекла, он обнаружил окурки от папирос первого сорта «Прима», обгорелые спички, круглый след от потайного фонаря и несколько капель стеарина. Похоже, злоумышленник провёл здесь немало времени, наблюдая за домом Викентьева. Выражаясь военным языком, здесь находился его командный пункт, правда, с уверенностью можно сказать, что сегодня его здесь точно не было – ни запаха табачного дыма, ни свежих окурков. Всё это хорошо, вот только реально ничего не даёт и никак не приближает к разгадке. Нашёл ли «ночной гость» то, ради чего залезал в дом или нет? Вот главный вопрос, от ответа на который напрямую зависел результат расследования. Алексей достал брегет. До прихода антиквара оставалось десять минут, поэтому нужно было срочно заканчивать осмотр. Он быстро спустился и тем же путём вернулся обратно.

- Это вам, Алексей Николаевич. – Викентьев передал Авилову сложенный в два раза листок. – От поручика Уварова.

В записке была всего одна фраза:

«Задержанного Афанасия Серова 7 марта 1879 года допрашивал майор Лаврентьев».

***

Федосеев Андрей Тихонович, один из самых известных и влиятельных антикваров Москвы, был уже в солидном возрасте (ему недавно перевалило за шестьдесят), имел избыточный вес, и на первый взгляд производил впечатление этакого увальня. Все его движения были медлительны, словно он только что проснулся и находится в состоянии полудрёмы. Было непонятно, что последует дальше, толи он окончательно проснётся, толи, наоборот, опять заснёт. Ни дать, ни взять – ленивец, подумал Авилов при знакомстве, однако, увидев умный оценивающий взгляд пожилого антиквара и ощутив крепкое рукопожатие, он тут же отбросил свои поспешные выводы. Одетый с иголочки Федосеев, несуетливый и спокойный, всем своим видом излучал солидность и надёжность и с первого знакомства вызывал симпатию, доверие и уважение.

- С чего начнём, Андрей Тихонович? – Поинтересовался Викентьев, когда антиквар со всеми удобствами расположился за обеденным столом.

- Для начала, Павел Платонович, я бы хотел кое-что прояснить. Всего один вопрос.

- Пожалуйста.

- С какой целью вы решили провести срочную оценку полученного наследства?

- А это так важно?

- Хочу понять, чего конкретно вы ждёте от меня? Если вы хотите продать, сдать в аренду или заложить дом, это одно. Если вам нужно продать какую-то часть имущества, это совсем другое. Хочу уточнить задачу. Я понимаю, что не каждому нравиться посвящать постороннего человека в личные дела, например, внезапно возникшие финансовые затруднения, но, поверьте моему опыту, зная причину, легче давать советы. Обещаю, что всё сказанное вами не выйдет за стены этого дома.

Викентьев мельком взглянул на Авилова и тот кивков головы дал согласие.

- Откровенность за откровенность, Андрей Тихонович. Никаких денежных проблем у меня нет. Всё дело в том, что позавчера ночью ко мне в дом через окно подсобного помещения забрался неизвестный. Судя по следам, он заходил только в столовую, обошёл комнату по кругу и затем покинул дом тем же путём. Естественно, я подумал, что это был обычный вор, вот только он почему-то ничего не украл. Меня это настораживает. Кто может гарантировать, что подобный визит не повторится? Для начала я просто хочу выяснить, есть ли среди полученного мною имущества что-то действительно ценное?

- Для этого вам нужен не антиквар, а хороший сыщик.

- Он перед вами. – Викентьев показал рукой на сидевшего рядом Алексея. – Самый известный криминальный журналист Петербурга.

- Извините, Алексей Николаевич, что не признал. – Федосеев галантно поклонился в сторону Авилова. - Я должен был сразу догадаться, как только услышал ваше имя. С интересом читал ваши статьи. Впечатляет. Господа, поскольку все в сборе, не будем терять времени. Павел Платонович, вы не возражаете, если мы для начала ознакомимся с описью наследства?

- Документы у меня в кабинете на втором этаже, я сейчас принесу.

Викентьев вернулся через пять минут с кожаной папкой в руках и передал её антиквару. Минут двадцать Федосеев в полной тишине внимательно изучал опись, медленно листая страницы, и иногда делая на полях какие-то пометки карандашом. Наконец, он перевернул последний лист, отложил бумаги в сторону и обратился к Викентьеву.

- Павел Платонович, вчера вы сказали, что самое ценное в доме, это столовое серебро и чайный сервиз производства Севрской мануфактуры.

- А это не так?

- Вы забыли упомянуть книги и картины.

- Я не забыл, Андрей Тихонович, просто считал, что они не представляют никакой ценности.

- Это как сказать. Начнём с книг. Я не букинист, но думаю, что не сильно ошибусь в оценке. Есть интересные экземпляры. Например, собрание сочинений Вольтера на русском языке в пяти томах, изданное в 1802 – 1805 годах Сенатской типографией (5). Учитывая, что при двух последующих императорах сочинения господина Вольтера не издавали (6), оно имеет определённую ценность. Затем прижизненные издания Александра Сергеевича Пушкина: «История Пугачёвского бунта» (7) и «Евгений Онегин» в кожаном переплёте - роман в стихах, выходивший отдельными главами с 1825 по 1832 годы. Конечно, не раритет, но для почитателей творчества поэта лакомый кусочек. Можно отметить также выпущенные ограниченным тиражом «Пёстрые сказки» господина Одоевского (8), «Душенька» (9) Ипполита Богдановича и одно из лучших иллюстрированных изданий середины XIX века «Тарантас» Владимира Сологуба (10). Приличное собрание, однако, большой библиографической ценности оно действительно не представляет.

Отложив в сторону список книг, антиквар взялся за посуду. Севрский фарфор - чайный сервиз из тридцати предметов в стиле рококо (так было указано в описи) в ярко розовых цветах с позолотой, был выставлен в буфете. Выглядел сервиз эффектно и, по скромному мнению Авилова, мог стоить прилично. Однако, антиквар, внимательно осмотрев несколько предметов, сделал кислую мину и как-то неопределенно покачал головой.

- Фарфор действительно Севрской мануфактуры, уважаемый Павел Платонович, но вот роспись явно не оригинальная.

- Не совсем понимаю, как такое может быть? – Удивился Викентьев.

- Всё очень просто, господа. В начале XIX века склады Севрской мануфактуры были забиты невостребованной продукцией. Так называемое «бельё» - изделия, покрытые белой глазурью, но не расписанные. На это указывает клеймо. – Антиквар перевернул чайное блюдце

и указал на две переплетённые буквы «L» с обратной стороны. - В виду финансовых затруднений, владельцы были вынуждены распродать все эти залежи по сниженным ценам (11). Таким образом, в частные руки попали тысячи изделий Севрской мануфактуры, которые затем расписывались художниками и предлагались на рынке под видом оригинальной продукции. Сервиз красивый, но, опять-таки, никакой антикварной ценности не представляет.

- А что со столовым серебром?

- Судя по списку, все серебряные изделия российского производства. В основном наших известных мастеров: Павла Овчинникова и Ивана Хлебникова. Однако, как и в случае с чайным сервизом, это не оригинальный продукт, а изделия массового спроса, и точно так же не представляет никакой антикварной ценности. У вас их купят просто как серебряный лом.

- Если в доме нет ничего ценного, то зачем…

- Не спешите с выводами, Павел Платонович. – Прервал хозяина Федосеев. – Вы опять забыли про картины. Всего по списку числится пятнадцать произведений голландских художников XVII века. В столовой я вижу только шесть картин…

- Ещё девять висят в кабинете на втором этаже. – Уточнил Викентьев. - Странно. О картинах я вообще не подумал.

- Понимаю ваше удивление. Картины небольшого формата, сюжеты незамысловатые, да и краски уже потеряли былую яркость. Никакого внешнего впечатления они не производят, но для истинных коллекционеров могут представлять огромную ценность.

- Только в том случае, если это подлинники. Я почему-то всегда считал, что это дешёвые копии, купленные по случаю где-нибудь на ярмарке. Сюжеты, как на лубочных картинках. Сам видел такие.

- Действительно похожи, однако, это картины. Возможно и подделки, от этого не застрахован никто. В XVII веке в Голландии существовали целые мастерские, в массовом порядке тиражировавшие наиболее востребованные картины, которые с удовольствием покупали проезжающие путешественники. Подделывали всё, что пользовалось спросом, вплоть до подписей известных художников для повышения цены. В Москве есть мастерская Мельникова, где подобные копии штампуют пачками. Однако, судя по списку, в вашем собрании преобладают работы таких выдающихся мастеров, как Виллем Кальф, Герард Доу и Питер Клас, а их картины подделать практически невозможно, поскольку они отличаются очень тщательной детализацией. Достаточно сказать, что в процессе работы тот же Герард Доу использовал увеличительное стекло и кисти тоньше человеческого ногтя. Вы даже представить себе не можете, сколько времени занимает эта работа. Ни один копиист на это не способен.

- Сколько могут стоить эти картины?

- Господа, буду с вами откровенен. Все перечисленные здесь произведения, принадлежат кисти так называемых, «малых голландцев». Это условное название художников XVII века, писавших небольшие по размерам картины. Сложность в том, что в России в настоящее время нет специалистов по «малым голландцам», и практически нет коллекционеров, которых интересуют подобные картины. Единственный, кого могу назвать, это Пётр Петрович Семёнов Тян-Шанский, наш известный географ, проживающий сейчас в Петербурге. Он собирает голландскую живопись XVII века и в его коллекции есть картины «малых голландцев» (12). Он единственный, кто может определить подлинность картин, оценить и приобрести эту коллекцию.

- Андрей Тихонович, вы только что сказали, что эти картины могут представлять огромную ценность…

- В Европе, господа, в Европе, а не в России. Там немало коллекционеров, специализирующихся именно на «малых голландцах». Повышенным спросом их произведения пользуются в бывших Нидерландах (13), Германии и Австро-Венгрии. Думаю, что ваши картины могли бы их заинтересовать.

- Можно хотя бы приблизительно назвать стоимость этого собрания картин?

- Если говорить просто, то картина стоит ровно столько, сколько готов заплатить покупатель. Цена произведений искусства понятие относительное и зависит от множества факторов: подлинность, редкость, возраст, историческая и художественная ценность. Что далеко ходить, даже в России на аукционе произведений нашего известного художника К.Д. Флавинского в 1866 году стартовая цена картины «Христианские мученики в Колизее» составила 12 000 рублей (14). Представляете себе, господа, о каких суммах идёт речь? На аукционе далеко не последнюю роль играет, в том числе и желание конкретного покупателя приобрести именно эту картину, что заставляет его повышать цену. Могу привести массу примеров, когда продажная цена превышала стартовую в разы. Сами понимаете, при таких исходных данных пытаться оценить коллекцию, это всё равно, что гадать на кофейной гуще. Единственное, что я могу, это посмотреть материалы по старым аукционам и составить список проданных картин «малых голландцев» с указанием стартовой и окончательной цены. Отбросив максимальную и минимальную цены, мы сможем вычислить среднюю стоимость картины и всей коллекции в целом.

- Каковы финансовые условия?

- Эта консультация обойдется вам в сто рублей.

- Согласен.

- Тогда разрешите откланяться. Список картин и их описание я заберу с собой. Господа, жду вас завтра после полудня в любое удобное время в своём магазине.

***

Договорившись встретиться завтра в два часа пополудни на Театральной площади, возле магазина Федосеева, Авилов простился с Викентьевым и поехал в Следственную часть, узнать последние новости.

- Что у вас нового, Григорий Иванович? Как успехи?

- Да какие успехи, Алексей Николаевич? Полковник Завадовский сбежал из больницы и словно растворился. Сказал, что возвращается в гостиницу, но там его никто не видел. Губернатор сразу поднял всех на ноги, однако, поиски не дали никаких результатов. Как сквозь землю провалился. Кто теперь будет отвечать за провал?

- Не волнуйтесь вы так, Григорий Иванович, Завадовский не иголка, найдётся. – Закрыл скользкую тему Авилов. - Мне срочно нужна ваша консультация в одном запутанном деле. Можете уделить десять минут.

- Буду рад, если смогу хоть чем-то помочь.

- Спасибо, именно за этим я и пришёл. Поручик Уваров из жандармского управления просил меня заняться одним странным происшествием. К его другу ночью, выставив стекло в подсобном помещении, кто-то залез в загородный дом. Что «ночной гость» делал в доме неизвестно, поскольку ничего не пропало.

- Стекло он вставил на место?

- Даже штапики аккуратно прибил. Если бы не бдительность садовника, обратившего внимание на посторонние следы, вряд ли бы вообще догадались, что кто-то залезал в дом.

- Знакомый трюк. Матёрые шниферы, типа Ваньки Беркута используют мелких воришек из числа «голубятников», «форточников» и «стекольщиков» для разведки - предварительного осмотра домов и квартир, если не имеют чёткой наводки. Основное условие – ничего не брать и не оставлять никаких следов. Думаю, нечто подобное произошло и в вашем случае.

- Значит, в скором времени нужно ожидать налёта?

- Всё зависит от того, что именно интересовало заказчика. В доме есть чем поживиться?

- Столовое серебро, чайный сервиз севрского фарфора, библиотека и полтора десятка небольших по размерам картин голландских художников XVII века.

- Сразу скажу, Алексей Николаевич, что всё перечисленное вами никоим образом не заинтересует солидного шнифера. Фарфор вообще никогда не крадут. Большой риск. Слишком хрупкая вещь, требует очень тщательной упаковки, отнимает много времени, да и не факт,

что ничего не разобьешь. Книги и картины их тоже не интересуют – они в них ничего не понимают и не в состоянии отличить ценную вещь от дешёвки. Остаётся только столовое серебро, но, как-то слишком мелко это для серьезной воровской шайки. Неужели в доме нет никаких ювелирных украшений, золота, ценных бумаг?

- Этот дом моему клиенту достался по наследству от его родной тёти. По сути это обычный дачный домик в Сокольниках, где бывшие хозяева проводили летние месяцы, так что там ничего ценного никогда не держали.

- Согласен, случай довольно странный. За «визит» тому же «стекольщику» платят хорошие деньги, но только в том случае, если он обнаружит ценности и подробно распишет что где лежит. Если же в доме нет ничего ценного, то он ничего не получает и должен сам о себе позаботиться. Иначе говоря, что-то украсть.

- Но в доме ничего не пропало!

- Вот именно! Значит, мелкий воришка выполнил задание и был абсолютно уверен, что ему хорошо заплатят.

- Примерно так мы и думали. Антиквар Федосеев ознакомившись с описью наследства, предположил, что преступников могли заинтересовать лишь пятнадцать картины XVII века. Однако вы только что сказали, что картины воров не интересуют. В Москве что, никогда не крали картины?

- Почему не крали? Было несколько краж связанных именно с картинами. Например, не так давно ограбили бывшего жандармского генерала Перфильева, убили слугу и украли какие-то картины, но подробности мне не известны. Я в дела других сотрудников не лезу, своих хватает. Думаете, работает банда?

- Пока рано делать какие-то выводы, нужно поднять дела по кражам картин за последние три-четыре года. – Авилов протянул Макарову две десятирублёвых ассигнации. – Вот, Григорий Иванович, заплатите в архиве кому надо, чтобы не задавали лишний вопросов и сделали как можно скорее.

***

Примечания:

1. Оконные штапики – деревянные рейки квадратного сечения (примерно 10 мм х 10 мм) в XIX веке ставились с наружной стороны, чтобы стекающая по стеклу вода не попадала в помещение.

2. Аршин = 71 сантиметр. Старорусская мера измерения длины (длина руки от кончиков пальцев до плеча).

3. Высота стула в среднем около 45 сантиметров.

4. Сажень = 2,1 метра. Старорусская единица измерения расстояния (три аршина).

5. «Полное собрание всех, доныне переведённых на российской язык и в печать изданных сочинений Г. Вольтера» в пяти томах.

6. При Николае I и Александре II Вольтера не издавали, но читать никто не запрещал.

7. Книга издана в 1834 году.

8. Владимир Одоевский «Пёстрые сказки» 1834 год – литературная мистификация и один из интереснейших памятников отечественной книжной культуры.

9. Книга издана в 1837 году

10. Книга издана в 1845 году.

11. Исторический факт.

12. Исторический факт. К концу 19 века коллекция Петра Петровича Тян-Шанского насчитывала более 700 картин голландских художников 17 века, в том числе и «малых голландцев».

13. Имеется в виду «Соединённое королевство Нидерландов». В 1815 году по решению Венского конгресса территории Соединённых провинций (Голландия) и Бельгия были объединены в одно государство под властью дома Оранских.

14. Исторический факт. Картину «Христианские мученики в Колизее» купил император Александр II.

Глава 5

Новые союзники и новое расследование. Москва, 23 июня 1880 года.

В семь часов утра Авилов уже был одет и собирался идти на завтрак, как в дверь его комнаты осторожно постучали. На пороге, с виноватым видом, переминаясь с ноги на ногу, стоял сыщик Макаров.

- Извините, Алексей Николаевич, тут недалеко, я решил лично забежать и сообщить. Новости, прямо скажем, неприятные. Вчера вечером в Петербурге, возле своего дома был убит полковник Завадовский.

Действительно неприятная новость. Может случайное совпадение? Например, оказал сопротивление грабителям и был убит. Однако по своему опыту, Алексей не верил в подобные случайности.

- Григорий Иванович, вы уже завтракали?

- Дома выпил чашку кофе.

- Тогда сделайте одолжение, составьте мне компанию.

Всю дорогу до трактира они шли молча. Авилов усиленно пытался разобраться в сложившейся ситуации и понять, кому была выгодна смерть Завадовского? После убийства Рейнберга и пропажи всех вещественных доказательств полковник не представлял никакой угрозы для фальшивомонетчиков, равно как и для московских чиновников, которые собирались сделать из него козла отпущения. Об истинной цели возвращения Завадовского в Петербург знали только они двое – здесь утечки быть не могло. Значит, убийство полковника продиктовано другими мотивами. Кому он мог помешать? Только тем, кто провернул грязную афёру с изнасилованием. Рейнберг мёртв, но остались исполнители, у которых были все основания опасаться мести столичного полковника. Авилов хорошо знал Завадовского и не сомневался, что тот жестоко отмстит своим обидчикам. Похоже, что и мошенники это знали. Заняв отдельный кабинет, они заказали яичницу с ветчиной и кофе со сдобными булочками.

- Так что там произошло в Петербурге?

- Сегодня утром по телеграфу пришло сообщение: полковник Завадовский убит возле своего дома.

- Какие-нибудь подробности сообщались?

- Не знаю, я сам текст телеграммы не видел, мне эту новость сообщил Дымов. Как Завадовский вообще оказался в Петербурге?

- Это я его туда отправил.

- Вы? Зачем?

- У меня был план, как осложнить жизнь фальшивомонетчикам и загнать их в тупик. Для этого я хотел использовать Завадовского и его связи в министерстве внутренних дел.

- Может теперь вам обратиться к Богданову. – Предложил Макаров. – Я сказал ему, что это вы распутали дело о фальшивых четвертаках и передали мне все улики. Он хотел с вами лично поговорить.

- Пожалуй, теперь это единственный выход в сложившейся ситуации. Сегодня до обеда я свободен, если Богданова устроит, мы могли бы встретиться в десять часов.

- Думаю, он согласится. Я сейчас же переговорю с председателем, и буду ждать вас в половине десятого, в сквере на скамейке.

***

Как и предполагал старый сыщик, Богданов согласился на встречу и ровно в девять часов Авилов уже сидел в мягком удобном кресле напротив коллежского советника. Слева от него на диване расположились Дымов и Макаров. После короткого знакомства, разговор на правах хозяина начал Богданов.

- Алексей Николаевич, вы не хуже меня знаете, в каком незавидном положении мы оказались. Именно поэтому я и настаивал на встрече с вами. Григорий Иванович сказал, что это вы послали Завадовского в Петербург.

- Я разработал план мероприятий по борьбе с фальшивомонетчиками, который Завадовский должен был представить от своего имени руководству Министерства внутренних дел. К сожалению, неизвестно, успел он что-либо сделать…

- Ничего он не успел, Алексей Николаевич. Завадовский прибыл в Петербург поздно вечером и успел доехать только до своего дома, где и был убит. Он даже в подъезд не успел зайти. При нём не обнаружили ничего, ни документов, ни денег, ни ценностей. Так что, придётся всё начинать сначала. Поскольку я не занимался этим делом, хотелось бы услышать из первых уст, что же всё-таки произошло.

- По моим предположениям, афёра с печатью фальшивых кредитных билетов была спланирована в недрах МГЖУ, предположительно, руководителем розыскного отдела майором Лаврентьевым. Суть вот в чём. Во время одной из облав в руки жандармов попал механик Прохоровской мануфактуры некто Афанасий Серов. При обыске у него был найден непонятный рисунок, который жандармы по недоразумению приняли за чертёж адской машины. На самом деле это был лишь эскизный вариант станка для нанесения цветного рисунка на ткань. Не буду вдаваться в технические подробности, это не столь важно, скажу лишь, что идея Серова содержала рациональное зерно, так как позволяла улучшить качество и скорость цветной печати. Когда Серов объяснил Лаврентьеву принцип работы станка, у майора возникла мысль использовать эту идею и самого изобретателя в своих целях. Он вербует Серова, и засылает его к революционерам с предложением создать станок для печати фальшивых кредитных билетов.

- Как-то не верится, что кто-то из жандармских офицеров мог по достоинству оценить данное предложение, ведь для этого нужно иметь техническое образование.

- Тогда никто не верил, что из этой затеи что-то получится. Лаврентьев рассчитывал лишь на то, что бомбисты уцепятся за это предложение, так как в партии возникли финансовые затруднения, и он не ошибся. Народовольцы клюнули на приманку и занялись разработкой оборудования. Технические расчёты и чертежи выполнил главный инженер механического завода братьев Бромлей Владимир Князев, а формы изготовил талантливый химик Вадим Григорьев. Деньги под проект дал известный фабрикант Сергей Павлович Тихомиров. Сразу скажу, что никто из этой троицы не знал о настоящей цели проводимых работ. Инженер и химик верили, что создают полиграфическое оборудование для цветной печати открыток, а фабриканту обещали новый метод изготовления валов для нанесения рисунка на ткани. Все эти работы велись под негласным контролем Лаврентьева. Он собирался произвести аресты, в тот момент, когда бомбисты начнут печатать первые денежные знаки, чтобы иметь на руках неоспоримые вещественные доказательства. В этом случае всех членов партии «Народная воля» объявили бы фальшивомонетчиками и без особых хлопот отправили в Сибирь по уголовной статье. Вы лучше меня знаете, сколько проблем возникает с осуждением политических заключённых. С обычными уголовниками значительно проще. Надо отдать должное майору Лаврентьеву – комбинация гениальная! Всё шло по намеченному плану, пока не выяснилось, что идея Серова сработала. Народовольцам удалось создать полиграфическое оборудование на совершенно новых принципах. Однако начали они не с кредитных билетов, а с рождественских открыток. Качество и скорость печати превзошли все ожидания. Лаврентьев ждал, когда, наконец, приступят к печати бумажных денег, но уже поменял планы – никаких арестов до проверки качества банкнот. Качество оказалось настолько высоким, что даже специалисты в банках не могли отличить подделку. Лаврентьев очередной раз меняет свои планы. Ему уже не нужны несчастные террористы в кандалах, показательный суд, ссылка в Сибирь и карьерный рост. Его вообще не интересует служба. Теперь у него совсем другая цель - завладеть оборудованием и, напечатав фальшивок, жить в своё удовольствие. Однако жизнь внесла

некоторые коррективы в его планы. Ему удалось захватить только оборудование с отслужившими свой срок формами. Абсолютно патовая ситуация: есть станок, но нет форм и бумаги. Ещё пару дней назад ситуация была полностью под контролем тайного советника Рейнберга, но…

- Не будем о грустном, Алексей Николаевич. – Перебил Авилова Богданов. – Того, что случилось, уже не исправишь. Придётся начинать всё заново. Каково положение дел на сегодняшний день?

- Три дня назад из клиники Розенберга, были похищены два человека: инженер Князев и химик Григорьев. Теперь у преступников есть всё, для того, чтобы запустить производство фальшивых четвертных билетов на полную мощь.

- Почему о похищении этих людей ничего нет в сводке происшествий?

- Никто не обращался в полицию, поскольку официально из клиники их забрали московские жандармы, проще говоря, арестовали. Вот только никаких арестов наши жандармы за последние дни не производили.

- Ряженые? – Богданов вопросительно посмотрел на Авилова и, словно что-то вспомнив, схватил одну из папок, лежавших на столе, справа от него. – По показаниям одного из свидетелей ночью на станции… Как там её…

- Кузьминская. – Подсказал Авилов. – Меня Григорий Иванович уже ознакомил со свидетельскими показаниями. – Там преступники тоже были одеты в форму жандармов.

- Мы можем арестовать Лаврентьева?

- Арестовать можем, вот только предъявить нам ему нечего. Никаких улик против него у нас нет. Афанасий Серов и Ванька Беркут мертвы, а больше он ни с кем лично не контактировал.

- Как-то можно проверить ваши предположения насчёт Лаврентьева?

- Только косвенно. Я выяснил, что с задержанным Афанасием Серовым работал лично майор Лаврентьев.

- Этого недостаточно. – Богданов тяжело вдохнул. - А если установить слежку за Лаврентьевым?

- Бесполезно. Во-первых, он опытный работник и сразу обнаружит «хвост», а это только насторожит его. Во-вторых, он уже исполнил свою роль и, судя по всему, отошёл в сторону.

- На основании чего, вы сделали такие выводы?

- В Твери и в Москве действовали две отдельные группы по четыре пять человек в каждой. В том, что эти два события звенья одной цепи нет никакого сомнения. Получается, в деле о фальшивых кредитных билетах появилась довольно крупная преступная организация, которой ещё несколько дней назад не было и в помине. Банда Ваньки Беркута была разгромлена, и у Лаврентьева не осталось боевиков. Провернуть параллельно две таких операции самостоятельно он просто не мог.

- Привлёк к делу ещё кого-то?

- Похоже, что так. Банда, как я уже сказал, довольно крупная, хорошо экипированная и вооружённая. Судя по всему, в её составе есть бывшие офицеры, возможно даже жандармы, судя по маскараду. Вряд ли главарь такой банды согласится занимать подчинённое положение. Сейчас вообще не нужно проявлять интерес к МГЖУ и лично к майору Лаврентьеву, чтобы не насторожить его.

- Логично. – Согласился Богданов. – Но ведь нельзя сидеть, сложа руки?

- А никто и не собирается бездельничать, Гордей Емельянович. Мы не можем помешать преступникам, печатать фальшивые деньги, но можем серьёзно осложнить им сбыт.

В течение часа Авилов излагал свой план борьбы с фальшивомонетчиками. Богданов внимательно слушал, делал пометки в блокноте и уточнял детали. Дымов и Макаров тоже активно участвовали в обсуждении. Было заметно, как резко изменилась атмосфера в кабинете

– на смену удручённости и растерянности пришли спокойствие и уверенность в собственных силах.

- Отличный план! У меня нет слов! Я немедленно еду к губернатору с докладом. - Богданов довольно потёр руки и хитро прищурившись, посмотрел на Авилова. – Алексей Николаевич, поскольку вы сейчас в Москве, почему бы нам не поработать вместе? У меня возникла идея создать в недрах окружного суда оперативную следственную группу под вашим руководством. Если согласитесь, я готов обсудить финансовые условия, и кроме того, обещаю, что вы получите исключительное право на публикацию всех материалов следствия.

- Заманчивое предложение, Гордей Емельянович, однако, в том случае, если Петербург примет наш план, дело о фальшивых кредитных билетах можно считать фактически закрытым. Над чем нам с вами работать?

- Есть кое-что интересное. – Загадочно улыбнувшись, сказал Богданов. – Пока я буду отсутствовать, Нил Спиридонович и Григорий Иванович введут вас в курс дела.

***

После отъезда Богданова три новоявленных «оперативника» перебрались в кабинет Дымова, и приступили к работе.

- Григорий Иванович рассказал мне о вашей просьбе. Я имею в виду кражи картин. Мы навели справки в архиве и выяснили, что за последние два года было зарегистрировано четыре подобных кражи. По две кражи в 1878 и 1879 годах. – Дымов взял из лежавшей на столе папки и передал Авилову лист бумаги. – Здесь список пострадавших, адреса и некоторые данные по украденным картинам. В двух случаях кражи закончились трагически. Убит камердинер генерала Перфильева и кухарка графа Апраксина.

- Что было украдено кроме картин?

- В том-то и дело, что больше ничего не украли.

- А следственные дела?

- Они у меня. – Дымов выдвинул ящик стола, достал четыре тощие папки и положил их на стол. – Всего было похищено восемнадцать картин, и на сегодняшний день нам не удалось найти ни одной.

- Дела закрыты?

- Официально нет, но расследование топчется на месте. Шансов что мы раскроем эти кражи, на мой взгляд, нет никаких.

- Господа, вы пока покурите, а я бегло просмотрю дела.

Дымов и Макаров подошли к раскрытому окну и закурили, а Авилов пододвинул к себе четыре папки. Разложив дела в хронологическом порядке, он приступил к изучению. В основном его интересовали лишь протоколы осмотра места происшествия. Через полчаса он закончил работу и отложил папки с материалами в сторону.

- Нил Спиридонович, ни в одном деле не сказано, как воровали картины? Выносили из дома прямо с багетными рамами, только с подрамниками или просто вырезали полотна ножом?

- Я уточнил. Преступники снимали картину со стены, отгибали металлические лепестки и вытаскивали холст с подрамником. Пустые багетные рамы во всех четырёх случаях были расставлены вдоль стен.

- Для того чтобы аккуратно снять со стены деревянную багетную раму, весящую, как минимум полпуда требуются усилия двух человек. Чтобы вынести картину на подрамнике из дома, нужны те же двое, плюс ещё один, кто будет освещать дорогу, открывать и придерживать двери. Плюс ещё один должен быть при лошадях, не на себе же они их тащили. Итого, минимум четверо.

- Если не больше. Похоже, что все четыре кражи совершены одной бандой.

- Согласен, но нужны более веские аргументы.

- Во всех случаях украдены только картины, хотя дома не бедные и там наверняка было, чем поживиться.

- Хорошо, Нил Спиридонович, но мало. Ещё.

- Воры проникали в дом, через подсобные помещения, используя для выдавливания оконного стекла пропитанную мёдом ткань. Способ известный, но вот с применением мёда я сталкиваюсь впервые.

- Принимается, Григорий Иванович. Ещё.

- Два ограбления закончились трагически. – Дымов раскрыл свой блокнот. - Убит камердинер и кухарка, вероятно оказавшиеся невольными свидетелями ограбления. Так вот по заключению судебного врача, в обоих случаях способ убийства и характер раны идентичны.

- Достаточно. Будем считать, что все четыре кражи совершены одной и той же бандой. В итоге имеем одно уголовное дело с четырьмя отдельными эпизодами. Теперь приступим к более детальному обсуждению, с учётом этого, уже установленного факта. Начинайте, Нил Спиридонович.

- В России вообще не принято красть картины, поскольку их невозможно легально продать. Например, одежду можно перешить или перелицевать и официально сдать в тот же ломбард, не опасаясь последствий. Вспоминаю случай, когда за одну ночь портной превратил украденную накануне шубу в элегантное манто. Хорошо, что полиция вовремя подоспела, и он ещё не успел избавиться от обрезков, а то бы ищи ветра в поле. Вокруг Хитрова рынка работают десятки подпольных мастерских, обслуживающих домушников. Почему? Есть спрос, есть предложение, а картинами у нас интересуются единицы. Вывод – кражи явно заказные.

- Я согласен. – Поддержал следователя Макаров. - Наши ребята плотно работали и с местными барыгами, и со своими осведомителями – результатов ноль. Никаких следов. Картины словно сквозь землю провалились. Работали под заказ и явно не уголовники. Вероятно, кто-то из любителей живописи, таким вот необычным образом пополняет свою коллекцию. Картины оседают в тайниках, поэтому нигде и не всплывают.

- Версия хорошая, Григорий Иванович, однако есть один нюанс. Коллекционированием картин занимаются, как правило, очень состоятельные, хорошо образованные люди. Такие на кражу, а тем более на двойное убийство не пойдут.

- Не обязательно красть самому, можно нанять людей со стороны.

- А где их взять? Вы сами только что признали, что уголовники не имеют к этим кражам никакого отношения, а два ограбления из четырёх закончились трагически. Вы верите, что дилетант пойдёт на умышленное убийство?

- Два трупа это серьёзно. – Согласился Дымов. - Тем более что в обоих случаях, по заключению врача удар в сердце нанесён явно профессионалом.

- Оружие одно и тот же? – Уточнил Авилов.

- Стопроцентной уверенности нет, но очень похоже. Врач предполагает, что орудием убийства был обоюдоострый клинок, вероятно кортик или кинжал. Учитывая отсутствие на теле следа от гарды, скорее всего это кинжал. Удары тоже, как под копирку. Жертва умерла мгновенно, даже не поняв, что произошло.

- Вот вам и зацепка, господа. Тех же пластунов в армии обучают приёмам рукопашного боя и в том числе работе с тесаками и кинжалами. Это важно в разведке и ночных вылазках, когда нельзя пользоваться огнестрельным оружием. Чтобы бесшумно снять часового, нужен один точный удар, поэтому их тренировали бить наверняка. Чаще всего пластуны пользовались именно кавказскими кинжалами типа «кама» с прямым обоюдоострым клинком. У кинжала в отличие от кортика нет гарды, следовательно, рядом с раной не будет синяка или кровоподтёка, это врач верно подметил.

- Версия правдоподобная. Садовник графа Апраксина после кражи обнаружил в саду характерные следы от солдатских сапог (1).

- Эта зацепка нам ничего не даёт. – Возразил Макаров. – Ну, знаем мы, что в кражах принимали участие бывшие военные. И что с того?

- Не торопите события, Григорий Иванович, мы ведь только приступили к расследованию. Пока этот факт лишь подтверждает вашу версию, что уголовники не имеют к этим кражам никакого отношения.

- Этот факт серьёзно осложняет наше расследование. – Возразил Макаров. - С уголовниками проще, там у каждого свой почерк. Одни просто выбивают стекло долотом или фомкой, другие выдавливают, применяя патоку, силикатный клей или смолу. Уже по одному способу проникновения в дом можно резко сократить число подозреваемых. А тут? Насколько мне известно, мёд ещё никто не использовал для этих целей.

- Вы правильно заметили, с бывшими военными сложнее, особенно, если среди них есть офицеры имеющие опыт планирования операций. Давайте разберём, как проходили кражи?

- Как я уже сказал, воры попадали в дома через подсобные помещения. Два раза через кладовые, и по разу через буфетную и прихожую. Смазывали кусок ткани мёдом, накладывали на стекло и легким нажатием ладони выдавливали его. Никакого шума от разбитого стекла, все осколки оставались на пластыре.

- Но ведь камердинер и кухарка что-то слышали?

- Я читал показания свидетелей. – Ответил вместо Макарова Дымов. – Камердинер генерала Перфильева спал в лакейской, которая располагалась рядом с кладовой, через которую проникли воры. Он страдал бессонницей и мог чисто случайно напороться на грабителей.

- Подождите, Нил Спиридонович. – Остановил Дымова Авилов. – Комната камердинера обычно располагается рядом с хозяйской спальней. Каким образом камердинер оказался в лакейской?

- Генерал Перфильев умер в феврале 1878 года (2). Поскольку никто из детей генерала там не жил, дом остался без хозяина, и камердинер переселился со второго этажа на первый в пустующую лакейскую. К тому же он в годах, и ему тяжело подниматься по лестнице.

- А где были лакеи?

- Кроме старого камердинера и управляющего с женой, вся остальная прислуга приходящая и ночью лакейская пустовала.

- С этим понятно. А что там с кухаркой.

- Она встала на полтора часа раньше обычного. В честь дня рождения хозяйки предстояло много работы.

- Хорошо, с кухаркой тоже всё понятно. – Авилов ещё раз пробежал глазами по списку. – Как грабители в темноте могли найти нужные картины?

- У них наверняка был потайной фонарь.

- Этого мало, Григорий Иванович. – Не согласился с сыщиком Авилов. – Картины не подписаны. Человек ничего не понимающий в живописи даже при дневном свете не отличит одну картину от другой. Как они знали, что именно нужно брать? У генерала Перфильева из кабинета крадут четыре картины Ватто (3) и Буше (4), а висящие тут же произведения Щедрина (5) обходят стороной. Как вы объясните подобную избирательность?

- У графа Апраксина крадут картины Ланкре (6), Шардена (7) и Ахенбаха (8), - вставил Дымов, - и не трогают полотна Венецианова (9), Рокотова (10) и Алексеева (11).

- Господа, так мы же и предполагали, что кражи заказные! Вот вам и доказательство! Воры взяли лишь то, что им было приказано.

- Никто с этим не спорит, Григорий Иванович. Вопрос в том, как они отличали одну картину от другой? – Авилов снова взглянул на список. – Вот вы когда-нибудь видели картины Ватто или Буше?

- Я даже не слышал о таких художниках. Наверняка немцы.

- Скорее французы. – Поправил сыщика Авилов.

- Возможно, с ними на дело ходит человек, разбирающийся в живописи?

- Маловероятно, Нил Спиридонович. Любители искусства, как правило, люди с тонкой душевной организацией, им не свойственны подобные авантюрные похождения. Обратите внимание, на два важных факта. Первый – грабители чётко знали, где именно висят нужные им картины. Второй – они хорошо ориентировались в незнакомых домах.

- Кто-то их информирует? – Догадался Дымов.

- Может кто из прислуги за деньги. – Предположил Макаров.

- Грабители не знали о спящем в лакейской камердинере, страдающим бессонницей и дне рождения графини Апраксиной, а это означает, что прислуга не имеет к кражам никакого отношения.

- Алексей Николаевич, а если предположить, что на разведку пускали мелкого воришку, например, того же стекольщика, как в случае с Викентьевым?

- Не пойдёт, Григорий Иванович. Стекольщик может нарисовать подробный план расположения комнат в доме, указать, где именно висят картины, но не сможет отличить одну от другой, да ещё в темноте. Напомню, художники, как правило, не давали своим картинам названий. В лучшем случае ставили подпись где-нибудь в нижнем углу или на обороте, если не хотели нарушать целостность полотна. Разобраться где висит нужная картина, может только специалист. Нет никакого сомнения, что грабители работали по наводке. Мой вам совет - найдите источник информации, и вы раскроете это дело.

Авилов достал из кармана серебряный брегет.

- К сожалению, господа, мне пора. В два часа пополудни нас с Викентьевым ждет антиквар Федосеев. Как только освобожусь, сразу приеду.

***

Примечания:

1. В то время солдатские сапоги ради экономии шили на прямой колодке. Иначе говоря, левый сапог не отличался от правого, их изготавливали на одной колодке.

2. Исторический факт. Генерал Перфильев Степан Васильевич умер 1 (13) февраля 1878 года.

3. Жан-Антуан Ватто (1684 – 1721) – французский живописец и рисовальщик, академик Королевской академии искусств, один из основоположников стиля рококо.

4. Франсуа Буше (1703 – 1770) – французский живописец, рисовальщик, гравёр и декоратор. Один из выдающихся художников XVIII века. Яркий представитель стиля рококо.

5. Имеется в виду Семён Фёдорович Щедрин (1745 – 1804) – основоположник пейзажного жанра в русской живописи.

6. Николя Ланкре (1690 – 1743) - французский живописец, рисовальщик, ведущий представитель раннего рококо, автор около семисот картин.

7. Жан-Батист Симеон Шарден (1699 – 1779) - французский живописец, рисовальщик, один из выдающихся художников эпохи Просвещения. Мастер натюрморта, портрета и картин бытового жанра.

8. Андреас Ахенбах (1815 – 1910) – немецкий живописец-пейзажист.

9. Венецианов Алексей Гаврилович (1780 – 1847) – русский живописец и график. Академик Императорской Академии художеств.

10. Фёдор Степанович Рокотов (1735 – 1808) – русский живописец, крупнейший портретист времён Екатерины II. Академик Императорской Академии художеств.

11. Фёдор Яковлевич Алексеев (1753 – 1824) – русский живописец-пейзажист времён Екатерины II и Александра I. Академик Императорской Академии художеств.

Глава 6

История коллекции картин Викентьева. 23 июня 1880 года.

Авилов приехал чуть раньше и успел выкурить папиросу, ожидая Викентьева. Встретивший их в салоне приказчик видимо был заранее предупреждён о визите, и сразу проводил посетителей в кабинет хозяина.

- Господа, прежде чем мы перейдём к цифрам, я бы хотел задать несколько вопросов. Павел Платонович, как я понял, эту коллекцию вы получили в наследство от своей тёти? Картины принадлежали лично ей или мужу?

- Они достались тёте по наследству.

- Могу я узнать фамилию вашей тёти?

- Алфёрова Марфа Степановна, родная сестра моей мамы.

- Это по мужу?

- Да. Её девичья фамилия Кукушкина.

- Извините Павел Платонович за этот генеалогический экскурс вашей родословной, дело вот в чём. Пятнадцать картин, что висят в вашем доме, являются частью большой коллекции известного любителя живописи XVIII века Михаила Николаевича Корсакова (1). Его убили в 1798 году, а поскольку своих детей у него не было, наследство досталось племянникам и племянницам – детям родного брата. Так вот, эти пятнадцать картин получил при разделе имущества младший из братьев – Корсаков Виктор Владимирович. Судя по всему, он не имеет никакого отношения к вашей семье.

- Это не о чём не говорит. Мои предки могли просто купить у него эти картины.

- Могли, - согласился антиквар, - но не покупали.

- Почему вы в этом так уверены?

- Виктор Корсаков жил в Москве на Тверской улице, от которой в 1812 году осталось пепелище, но по счастливой случайности его дом не пострадал. Вернувшись в Москву, в 1813 году Корсаков подал на имя губернатора Ростопчина рапорт с просьбой вернуть похищенные французами вещи. В этом перечне есть и коллекция из пятнадцати картин голландских художников XVII века. Совпадают не только названия, но и детальное описание каждой картины. Вряд ли Корсаков решился бы на такой шаг, зная, что сам продал картины, и они в целости и сохранности висят в соседнем доме.

- Картины могли отыскать и вернуть Корсакову, а уже потом он их продал. – Высказал своё мнение ранее молчавший Авилов. – Такой вариант вы не рассматривали?

- В этом случае должна быть отметка о возврате коллекции бывшему владельцу, а её в документах нет.

- Вы хотите сказать, что мои предки занимались мародёрством?

- Бог с вами, Павел Платонович, и в мыслях не было. Я всего лишь эксперт, а не следователь, меня совершенно не интересует, каким образом в вашей семье оказались эти картины. Существует масса всевозможных вариантов. К примеру, их мог отбить у французов во время боевых действий в 1812 году ваш дед или прадед. Сейчас уже ничего невозможно доказать, да и не нужно. Главное, что лично к вам эти картины попали на абсолютно законных основаниях. Всё это я сообщил вам с одной единственной целью – показать, что ваши картины из собрания известного искусствоведа конца XVIII века Михаила Николаевича Корсакова.

- Это так важно?

- Как сказать. Корсаков был крупным специалистом по голландской живописи и дешёвых подделок не держал. Правда, сто лет назад его коллекция оценивалась не слишком высоко, поскольку в ней были собраны картины художников далеко не первой величины типа Вермеера

или Хальса, но времена изменились. Думаю, сегодня стартовая цена этой коллекции на любом европейском аукционе будет не менее двадцати тысяч золотых австрийских дукатов.

- Вы сказали, что совпадают не только названия картин, но и их детальное описание.

- Да. Это действительно интересный факт. Я нашёл эти бумаги в архиве. В своём рапорте на имя Ростопчина к перечню картин Корсаков приложил также подробное описание каждой из них. Так вот, ваше описание точная копия, вплоть до запятой.

- И что это означает?

- Стиль написания документа характерен для конца XVIII века. Как искусствовед скажу, что даже для нашего времени документ написан очень грамотно, и явно не дилетантом. Скорее всего, при описании картин использовали записи собирателя коллекции, Михаила Николаевича Корсакова.

- Всё это косвенные доказательства.

- Верно. Однако мы можем без особого труда подтвердить наши предположения.

- Каким образом?

- Картины «малых голландцев» написаны в основном на дубовых досках. Во всяком случае, те, что находятся в вашей коллекции, точно. Это указано в описи имущества. Так вот, внизу на обратной стороне всех своих картин Михаил Николаевич Корсаков выжигал личный вензель из трёх переплетённых между собой заглавных букв «КМН».

Викентьев поблагодарил антиквара за консультацию, расплатился и собирался уже откланяться, но Авилов его остановил.

- Можно ещё пару вопросов, Андрей Тихонович?

- Пожалуйста, Алексей Николаевич.

- Как вам удалось так быстро выяснить, что эти картины часть коллекции господина Корсакова?

- В этом нет ничего сложного. В Московском губернском архиве старых дел (2) есть списки имущества, разграбленного войсками Наполеона в 1812 году. Эти списки составлены на основании заявлений жителей Москвы, требовавших от властей возмещения ущерба (3). Понятно, что всё вернуть невозможно: одна часть имущества сгорела во время пожара (4), другая часть была разграблена мародёрами. Не открою секрета, если скажу, что грабили не только наполеоновские войска. Наши, не особо сознательные граждане, тоже приложили к этому руку. Так вот, на основании всех заявлений были составлены списки пропавшего имущества. Для удобства, ценные вещи рассортировали по видам: ювелирные изделия, посуда, мебель, ковры и конечно картины. Именно в списке пропавших в 1812 году картин я и разыскал ваше собрание.

- А зачем вообще нужно было просматривать списки?

- Вы собираетесь об этом писать?

- Нет, у нас с вами приватный разговор. Хочу понять логику действий антиквара.

- Хорошо. Представьте себе, что вы антиквар. К вам приходит некий гражданин и предлагает купить вот эти пятнадцать картин. Ваши действия?

- Для начала я бы хотел увидеть товар и узнать цену.

- Логично. Допустим, вы убедились, что картины подлинные и цена вас устраивает.

- Тогда я бы купил, конечно, при условии, что у меня есть на руках требуемая сумма.

- Соблазн велик, Алексей Николаевич. Многие именно так и поступают.

- Многие, но не все?

- Именно это я и хотел сказать. Понимаете, такая коллекция не может появиться ниоткуда, по щучьему велению. Добросовестный антиквар в первую очередь должен убедиться, что имеет дело с добросовестным продавцом. Иначе говоря, нужно убедиться, что картина не находится в розыске – просмотреть списки полиции и губернского архива.

- Мне почему-то кажется, что так поступают единицы. Вы сами только что подтвердили, что соблазн велик.

- Вы ошибаетесь, Алексей Николаевич. Дело не только в соблазне. Даже те, кто ставит во главу угла лишь собственное обогащение, часто обращается к этим спискам. Вот вам принесли картину и назвали цену. При этом клятвенно заверяют, что картина «чистая», получена по наследству или подарена на день рождения. Вы всё равно идете в архивы и проверяете. Зачем, ведь вы уже решили купить, даже в том случае, если картина краденая? Для того чтобы сбить цену. Если вы докажите, что картина краденая, у продавца практически нет выбора, и он вынужден будет продать товар с большой скидкой.

- Опасное занятие. Неизвестно на кого нарвёшься, один промолчит, а другой может и перо в бок.

- Риск есть в любом деле, где крутятся большие деньги, это неотъемлемая часть нашей работы.

- И как вы с этим справляетесь?

- Я не имею дел с подозрительными клиентами, каким бы выгодным не было предложение. Это знают все, в том числе и мошенники, поэтому они ко мне не обращаются. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Мне вполне хватает того, что я зарабатываю честным путём, зато по ночам сплю спокойно, ни от кого не бегаю и не прячусь. Поверьте старому человеку, жить в ладах со своей совестью и с окружающими вас людьми - вот истинный путь к гармонии. Многие считают, что для счастья в жизни нужны только деньги. Как можно больше денег и неважно, каким путём они были получены. Это опасное заблуждение. Значение имеет не количество денег, а ощущение финансовой стабильности, уверенности в завтрашнем дне, что позволяет человеку строить далеко идущие планы. За прожитые полвека я видел много богатых людей, жизнь которых напоминала сказку из цикла «Тысяча и одна ночь». Постоянные праздники: блеск золота, бриллиантов, реки шампанского, роковые красотки и бурные романы. Как вы думаете, многие из них были счастливы в жизни? Ни одного! На самом деле это не жизнь, а прожигание жизни. Бесцельно и бесполезно проведённое в шумных удовольствиях и сомнительных развлечениях время. Результат плачевный – промотанные состояния, впустую растраченные силы и подорванное здоровье. Одни погибли на дуэли, многие просто разорились и закончили свои дни в нищете и забвении, другие оказались на больничной койке. Увы, господа, опыт предыдущих поколений нас ничему не учит.

***

Сняв со стены первую картину, Викентьев перевернул её и сразу увидел в нижней части выжженный вензель из трёх сплетённых букв «КМН».

- Теперь понятно, зачем приходил ваш ночной гость. – Подвёл итог Авилов.

- Хотел убедиться, что картины из коллекции Корсакова.

- Другого объяснения у меня нет.

- Тогда, почему он не взял картины, ведь унести их не составит большого труда.

- Думаю, его задача заключалась лишь в том, чтобы убедиться в наличии клейма на обратной стороне всех картин. Вас посетил не антиквар, а профессиональный «стекольщик», которого наняли лишь для того, чтобы подтвердить подлинность картин. Представьте, что к вам в руки попадает информация о наличии в каком-то доме пятнадцати картин из коллекции Михаила Корсакова. Первое, что вы должны сделать, это убедиться в том, что сведения верны и картины подлинные. Как это сделать, чтобы не вызвать лишних подозрений? В вашем случае очень просто – нанять профессионального вора.

- Но ведь вор может и соврать, чтобы получить деньги.

- Не тот случай, Павел Платонович. Вор знает, что на обратной стороне картины три буквы, но не знает, какие именно. Соврать не получится. Сколько лет эти картины висели в доме вашей тётушки?

- Сколько я себя помню. В детстве летом мы с мамой часто приезжали сюда, и могу утверждать, что все картины до сих пор висят на своих местах.

- Почти двадцать лет?

- Намного дольше. Эти картины тётя получила в наследство от своей матери.

- Странное совпадение. Получается, что всё это время никто не проявил к этим картинам никакого интереса, а как только вы вступили в права наследства, ими тут же заинтересовались.

- Хотите сказать, что эти два события связаны между собой?

- Странно стечение обстоятельств, Павел Платонович, а всё странное - подозрительно. – Авилов взял из рук Викентьева картину, и ещё раз осмотрев вензель, повесил её на место. - Вы никому из своих знакомых не говорили о полученном наследстве?

- Друзья и знакомые, конечно, знают, что тётя оставила мне этот дом, но без подробностей.

- Кто-нибудь из них был у вас здесь в гостях?

- Нет. За этот год я сам приезжал сюда всего два раза. Первый раз, на оглашение завещания после смерти тёти. Второй раз, когда принимал наследство.

- Как ваш двоюродный брат отреагировал на желание матери оставить вам этот дом? Он не выказывал недовольства этим решением?

- Роман не имеет к ночному инциденту никакого отношения. Он лично написал тест завещания под диктовку матери, а там просто сказано, что мне отходит этот дом со всей обстановкой. Никакой конкретики. Если ему нужны были эти картины, он мог спокойно их забрать, но не сделал этого.

Авилов понимал, что ночной «визит» стекольщика автоматически исключал из списка подозреваемых кроме двоюродного брата Викентьева ещё и прислугу. Но, если в доме не было никого посторонних, то кто навёл? Может быть, визит стекольщика никак не связан с картинами? Допустим, услышал мелкий воришка про смерть хозяйки и решил поживиться. Забрался в дом, но ничего стоящего не нашёл. Вполне рабочая версия, однако, факты говорили об обратном. Стекольщик потратил время, наблюдая за домом и изучая обстановку, действовал скрытно, тщательно заметая следы и если бы не внимательность садовника, о «ночном визите» вообще бы никто не узнал. Как-то не вяжется такая скрупулезность с обычным воришкой.

- Павел Платонович, я не могу полностью исключить вероятность нападения на ваш дом с целью кражи картин. Чтобы избежать ненужных жертв и материальных потерь, нам необходимо предпринять кое-какие меры.

- Согласен, Алексей Николаевич. Что вы предлагаете?

На выработку плана они потратили целый час. Викентьев занялся реализацией, а Авилов поехал к Федосееву.

***

- Извините, Андрей Тихонович, я опять к вам за консультацией.

- Вы уже проверили картины?

- Да, как вы и предполагали, картины из коллекции господина Корсакова. На обратной стороне у всех имеется вензель из трёх заглавных букв «КМН».

- И вы решили заняться этим делом?

- Я привык все свои расследования доводить до конца.

- Хорошая черта, Алексей Николаевич, вот только непонятно, что вы хотите найти? Кражи не было, картины на месте…

- Картины Викентьева, слава Богу, пока в целости и сохранности, однако мне удалось выяснить, что за последние два года в Москве были украдены восемнадцать картин.

- Про кражу картин у генерала Перфильева я читал в газетах. Громкое было дело, ведь ограбили не кого-нибудь, а бывшего жандарма, отца гражданского губернатора Москвы. Там, по-моему, ещё убили кого-то из прислуги.

- Старого камердинера. – Напомнил Авилов. – Это произошло в марте 1778 года. Через год аналогичным образом были похищены шесть картин из усадьбы графа Апраксина. Убита

кухарка, случайно заставшая грабителей. Еще два ограбления: купца Коржикова и сахарозаводчика Плотникова обошлись без жертв. Всего, как я уже сказал, преступники похитили восемнадцать картин.

- Вы считаете, что все четыре кражи совершили одни и те же люди?

- Есть характерные признаки, позволяющие сделать подобный вывод.

- Вы решили заняться и этими кражами?

- Пока только в качестве добровольного помощника.

- А чем я могу вам помочь?

- Нужна консультация специалиста, Андрей Тихонович. Естественно, ваши услуги будут оплачены. – Авилов достал из кармана пять десятирублёвых купюр и положил их веером на середину стола. – Это аванс. Не исключено, что мне придётся обращаться к вашим услугам не один раз. Счёт выставите после окончания расследования и поимки преступников.

- Алексей Николаевич! – Федосеев был явно взволнован. – Я ценю вас, как профессионала, и человека высоких моральных качеств, поэтому не обижаюсь. Прекрасно понимаю, что вам совесть не позволяет беспардонно использовать других людей в корыстных целях, и вы пытаетесь таким вот образом придать нашему сотрудничеству цивилизованный вид. Однако смею заметить, что не всё в этой жизни измеряется деньгами.

- Андрей Тихонович, простите, ради Бога, если я вас обидел. Я просто не имею морального права беззастенчиво пользоваться вашим расположением и добротой. Любая работа должна быть оплачена. Если человек не берёт за свою работу денег, значит, она ничего не стоит, но ведь это не так. Ваши знания и опыт бесценны…

- Вы всё правильно сказали, Алексей Николаевич! – Перебил Авилова антиквар. – Однако к себе вы видно относитесь несколько иначе. Вот сейчас занялись расследованием четырёх краж, взвали на себя работу, которую должны были выполнить чиновники ещё год-два назад. Кто вам за это заплатит? Никто! Вы тратите собственное время, силы, здоровье, сейчас вот выложили пятьдесят рублей из своего кармана. Ради чего? Ради того, чтобы поймать преступников и вернуть похищенное. Очень благородно с вашей стороны! Позвольте мне ответить тем же. Договоримся так, если вы найдёте богатого клиента, который возместит ваши затраты, то я выставлю счёт, а на нет и суда нет.

Авилов прекрасно понял намёк Федосеева, ведь среди пострадавших сплошь состоятельные люди (градоначальник, купец, сахарозаводчик), которые могут частным образом оплатить все расходы следствия.

- Я рад, что мы поняли друг друга и нашли общий язык. – Авилов привстал и с жаром пожал Федосееву руку. – Никаких взаимных обид.

- Тогда приступим к делу. Что вы хотели узнать?

Авилов забрал со стола деньги и на их место положил бумаги.

- Вот список пострадавших, адреса и кое-какие сведения о похищенных картинах.

Надев очки, Федосеев углубился в чтение. Через десять минут он снял очки, отложил бумаги в сторону и откинулся на спинку кресла.

- Я хорошо знаю всех крупных московских коллекционеров живописи, за последние двадцать посетил все выставки, но ни с кем из этих людей я не был знаком и никогда не видел украденных картин. Я даже не подозревал об их существовании.

- В таком случае, изложите ваше общее впечатления.

- Коллекционеры, как правило, формируют свои собрания по определённым признакам. Например, покупают картины голландских мастеров XVII века, французских реалистов первой половины XIX века или раннего Возрождения. Некоторые собирают картины по жанрам – пейзажи, натюрморты, портреты или жанровые сцены. Ваши похитители гребут всё подряд. Нет никакой системы, здесь картины разных школ и жанров. Единственное, что их объединяет – все авторы этих полотен западноевропейские художники XVII - XIX веков.

- В этом и заключается основная загадка. Полотна российских художников, висевшие рядом, воры не тронули, даже шедевры Рокотова. Почему?

- Как раз в этом-то и нет никакой загадки. – С горькой усмешкой на губах возразил антиквар. - Это для нас с вами Рокотов является выдающимся художником, а для Европы его имя и картины практически ничего не значат (5).

- Но ведь есть и российские коллекционеры, например Третьяков.

- Коллекционирование картин, Алексей Николаевич, отнюдь не массовое явление. Это удел отдельных, очень состоятельных людей. Для чиновников, купцов средней руки и мещан покупка картин явно не по карману. Кто остаётся? Крупные купцы и промышленники, но таких, как Третьяков и Кокарев единицы.

- А как же наши аристократы и представители высшей бюрократии, ведь у них есть средства и традиции покупать произведения искусства?

- Они действительно покупают, однако акцент делается опять-таки на европейских художников.

- Но ведь картины русских художников ничуть не хуже?

- Готов подписаться под каждым вашим словом, уважаемый Алексей Николаевич, вот только это никак не изменит ситуацию. Дело в том, что до середины XIX века система художественного образования в России опиралась на европейский опыт. Многие русские художники учились у заезжих европейских мастеров или ездили совершенствоваться в Европу. Именно поэтому европейцы до сих пор воспринимают русских живописцев как подмастерьев. Чтобы изменить эту тенденцию, требуется время.

- Я правильно понял, что картины русских художников не востребованы в Европе?

- К великому моему сожалению, творения наших мастеров в настоящее время действительно не востребованы за границей. Попытки пробиться на европейский рынок предпринимались неоднократно, однако, без особого успеха. Например, в прошлом году в Париже была организована выставка работ выдающегося русского художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина. Около трёхсот картин и этюдов, в том числе из «Индийского» и «Балканского» циклов не произвели на европейскую публику никакого впечатления. Печальный факт - не было куплено ни одной картины (6). И дело здесь не в отсутствии таланта у наших отечественных художников, просто сейчас в Европе мода на картины мастеров XVIII века, таких как Ватто (7), Буше (8), Фрагонар (9), Рейнодльдс (10), Гейнсборо (11) и других представителей итальянской, французской, английской и фламандской художественных школ. Пасторальные пейзажи (12), портреты, бытовой жанр и так называемые «галантные сцены» (13). Все эти картины романтизируют и приукрашивают действительность, в то время как тот же Верещагин пишет в стиле сурового реализма. Понятно, что желающих повесить у себя в доме хотя бы одну из таких картин, не нашлось. Мода, Алексей Николаевич, дама капризная и изменчивая. Правда, некоторые успехи в Европе у наших мастеров всё-таки были, но это относится только к отдельным картинам, например «Последний день Помпеи» Карла Брюллова (14) или «Хаос» Ивана Айвазовского (15). Недалёк тот день, когда и наши художники с их реализмом будут востребованы в Европе, а пока там правит бал, оторванный от действительности романтизм.

Выйдя из магазина, Авилов посмотрел на часы и понял, что возвращаться в окружной суд поздно. Остановив проезжавшего мимо извозчика, он поехал в трактир Барановой ужинать.

***

Примечания:

1. См. книгу Николая Сироткина «Последняя афёра».

2. Московский губернский архив старых дел – предшественник нынешнего Центрального государственного архива города Москвы. Условной датой его образования принято считать 25 февраля 1797 года, когда архив впервые упомянут в официальном документе – Указе Правительствующего Сената. Документы хранились в башнях Московского Кремля.

3. Исторический факт. Весной 1813 года власти предложили жителям Москвы и Подмосковья подать прошения с описанием причинённого ущерба.

4. Пожар, продолжавшийся со 2 (14) по 6 (18) сентября 1812 года уничтожил 75% домов.

5. Исторический факт. К сожалению, имя Фёдора Степановича Рокотова не было известно в Европе, равно, как и его картины.

6. Исторический факт.

7. Жан-Антуан Ватто (1684 – 1721) – французский живописец и рисовальщик.

8. Франсуа Буше (1703 – 1770) - французский живописец, рисовальщик, орнаменталист, гравёр и художник-декоратор.

9. Жан-Оноре Фрагонар (1732 - 1806) - французский живописец, рисовальщик и гравёр.

10. Сэр Джошуа Рейнольдс (1723 – 1792) – один из ведущих британских художников XVIII века. Посвящён в рыцари королём Георгом III в 1769 году.

11. Томас Гейнсборо (1727 – 1788) – английский живописец, акварелист и гравёр.

12. Пасторальный пейзаж – жанр, который в идиллической манере изображает мирную сельскую и пастушескую жизнь. Герои картин не реальные труженики, а идеализированные или мифологические персонажи. Последний всплеск к пасторали был отмечен в первой половине XIX века, когда в европейском искусстве доминировал романтизм.

13. «Галантные сцены» - групповые изображения фигур в парковом пространстве.

14. Карл Павлович Брюллов (1799 – 1852) – русский живописец и рисовальщик николаевской эпохи, последователь романтизма. Его картина «Последний день Помпеи» (1833 год) была с успехом показана в Италии и Франции.

15. Иван Константинович Айвазовский (1817 – 1900) – русский живописец, один из самых известных маринистов XIX века. Его картина «Хаос. Сотворение мира» (1841 год) произвела сильное впечатление в Италии, и Папа Римский Григорий 16 хотел купить её для Ватиканской галереи, однако Айвазовский отказался от вознаграждения и подарил полотно понтифику.

Глава 7

Первая рабочая версия. Москва, 24 июня 1880 года.

Позавтракав в трактире Барановой, Авилов нанял извозчика и поехал в Окружной суд. Вчерашняя беседа с Федосеевым была очень продуктивной и натолкнула Алексея на интересную мысль – украденные картины давно покинули Москву, а возможно даже и Россию, поэтому их и не смогли найти. Он так увлёкся этой новой версией, что не заметил, как пролётка остановилась возле Спасских ворот (1).

- Приехали, ваше благородие.

Степенный бас извозчика вернул Авилова к действительности. Расплатившись, он прошёл на территорию Кремля. Показав дежурившему на входе в бывший Сенатский дворец (2) служащему пропуск, он поднялся на второй этаж в кабинет следователя Дымова.

- Алексей Николаевич, наконец-то. Уже заждались. – Дымов загасил папиросу, закрыл окно и, взяв Авилова под руку, вывел в коридор. – Богданов ждёт вас.

- А где Макаров?

- Григорий Иванович повторно опрашивает потерпевших и свидетелей по делу о кражах картин. Мы договорились встретиться в три часа пополудни, в моём кабинете.

Богданов был занят, и пришлось минут пятнадцать ждать, пока он освободится. Наконец дверь открылась, и из кабинета председателя вышел толстый лысоватый мужчина в тёмно-зелёном мундире надворного советника. Тяжело отдуваясь, он вытер раскрасневшееся лицо платком и, злобно зыркнув глазами на сидевших в приёмной Дымова и Авилова, молча, вышел в коридор.

- Следователь Вейсман. – Шепнул Дымов. – Креатура господина Дубровина. Именно он вёл следствие по двум из четырёх краж картин.

- Проходите, господа, председатель уже два раза спрашивал о вас.

Богданов стоял у раскрытого окна, заложив руки за спину, и смотрел на разноцветные фигурные купола Покровского собора (3). Услышав за спиной шелест открывающейся двери, он повернулся.

- Располагайтесь, господа. – Пожав всем руку, председатель суда указал на два кресла, стоявших напротив его стола. – Всё прошло великолепно. Генерал-губернатор остался доволен вашим планом Алексей Николаевич. Он оперативно связался по телеграфу с министром внутренних дел (4). Уже сегодня план будет лежать на столе у императора. Учитывая важность этого дела, никаких препятствий и проволочек не предвидится. Как мы и договаривались, я пока не назвал вашего имени, однако присваивать себе чужие заслуги не в моих правилах. Если сработает, все лавры достанутся вам.

Богданов не знал, что после серии разоблачительных статей Авилова о хищениях подрядчиков при строительстве Бендеро-Галицкой и Фратешты-Зимницкой железных дорог (5) в высших эшелонах власти на его имя наложено табу. Император был крайне возмущён намёками на причастность к этим махинациям членов царской семьи (6) и княжны Долгоруковой (7), однако никаких репрессивных мер против дерзкого журналиста не приняли. Время было очень неспокойное. Неудачное начало войны с Турцией (8) обострило внутренние проблемы страны и вызвало шквал критики в адрес правительства и самого императора. На этом фоне резко активизировались революционные организации, прямо заявлявшие, что самодержавие не способно решить проблемы и ведёт страну к гибели. Поражение власти в деле против террористки Веры Засулич, наглядно показало, что люди не готовы мириться с произволом. В этой обстановке, власти решили не раскачивать лодку, а просто не заметить серию скандальных статей Авилова. Ограничились лишь публикацией в «Правительственном вестнике» отчёта комиссии, которая не нашла никаких злоупотреблений при строительстве этих желез-

ных дорог. Алексей представил себе, какое впечатление произведёт на министра внутренних дел Макова рапорт Богданова с упоминанием его имени и улыбнулся. Однако возражать не стал, поскольку всё это в далёком туманном будущем. Вот, когда придёт время, тогда можно будет спокойно поговорить и объяснить пикантность ситуации.

- Теперь перейдём к нашим текущим делам. – Продолжил Богданов. – Только что я имел беседу с надворным советником Вейсманом - он вёл следствие по двум кражам картин. Высказал всё, что я думаю о его так называемой «работе». Ещё один следователь, Крапивин сейчас в командировке и получит своё по возвращении.

- Сегодня же Вейсман доложит Дубровину о вашем «самоуправстве».

- Чёрт с ним, Нил Спиридонович. Дела я официально передаю вам, сегодня же всё оформим приказом. Уже появилась хоть какая-то версия?

- Проанализировав имеющиеся факты, мы пришли к выводу, что все четыре кражи совершены одной бандой. – Пояснил Дымов. - Объединили их в одно уголовное дело и решили кое-что уточнить в показаниях потерпевших. Этим сейчас занимается Григорий Иванович. Я просматриваю старые дела, связанные с убийствами и кражами, на предмет совпадений – пытаюсь отыскать новые эпизоды.

- А что у вас, Алексей Николаевич?

- Собираюсь ещё раз навестить антиквара Федосеева. Вчерашняя беседа натолкнула меня на одну интересную мысль. Если предположить, что украденные картины вывозят и продают в Европе, то всё сходится. Факт первый - крадут только картины европейских художников XVII – XIX веков. Это легко объясняется тем, что имена наших художников вообще не известны в Европе, а цену в первую очередь формирует именно репутация автора. Картина признанного мастера стоит в разы дороже, чем человека без имени, даже, если они сопоставимы по качеству. Какой смысл красть то, что на рынке стоит копейки? Факт второй - несмотря на все усилия полиции, за два прошедших года найти ни одну из восемнадцати украденных картин так и не удалось. Здесь тоже всё ясно и понятно. Если картины вывозят в Европу, то их бесполезно искать не только в Москве, но и вообще в России.

- Версия очень интересная, хотя и не бесспорная. Ничего подобного в своей многолетней практике я не припомню. Из произведений прикладного искусства в России пока крадут только иконы в дорогих окладах (9). Оно и понятно. Вор получает двойную выгоду – драгоценные камни и металлы, плюс древние образа. Таких уголовных дел у нас хватает. А всё почему? Потому, что есть покупатели – богатые купцы-старообрядцы. Иконы не вывозят за границу, а продают прямо здесь и они оседают в закрытых старообрядческих молельнях. Попробуй, найди! Доходило до того, что старообрядцы сами стали заказывать кражи древних икон из православных храмов. Мотивировка проста – «никонианские» (10) церкви не достойны хранить старые образа и перенос иконы в старообрядческую молельню спасает святыню. С иконами понятно – есть спрос, есть предложение. С картинами всё намного сложней. Можно украсть, вывезти за границу, но кому продать и сколько конкретно данная картина может стоить?

- Именно эти вопросы я и хочу обсудить с антикваром Федосеевым.

- Андрей Тихонович у нас бессребреник и консультирует вас бесплатно?

- Я предлагал ему деньги, но он отказался.

- И правильно сделал! Вы предлагали ему свои личные деньги, а ведь это не частное расследование. В данном конкретном случае, помогая следствию, вы оказываете услугу государству, которое и должно нести все расходы, включая оплату и вашего труда в том числе.

- Но мы ещё ничего не сделали. У нас пока нет никаких фактов, только догадки и предположения.

- Алексей Николаевич, ваши предшественники за два года работы не только не нашли никаких фактов, но даже не выдвинули ни одной версии. Выходит, что вы их уже обогнали. Сегодня же я займусь вопросом финансирования. Работайте, господа.

***

Дымов вернулся к себе в кабинет и продолжил разбирать старые уголовные дела, а Авилов поехал в магазин Федосеева на Театральную площадь, пообещав вернуться к трём часам.

- Выстраивается интересная версия – картины крадут в России, а продают в Европе, поэтому их и не могут найти. К этим кражам может быть причастен кто-то из московских антикваров или крупных коллекционеров – людей хорошо знающих рынок. Андрей Тихонович, наверняка вы что-то слышали и знаете? Нет желания поделиться информацией.

- Слухи разные ходят, Алексей Николаевич, вот только пересказывать их не вижу смысла. Не привык, знаете ли, огульно обвинять человека не имея на руках неопровержимых доказательств. Вот, например, ваше последнее предположение, насчёт того, что украденные картины вывезли в Европу.

- Вы не верите, что такой вариант возможен?

- Какая разница, верю я или не верю? – Не сдержался Федосеев. – Любая версия должна быть подтверждена фактами, которых, как я понимаю, у вас нет. Эти картины не обязательно везти в Европу, их можно продать и здесь, на месте, никуда не выезжая. Во все времена и во всех странах существовал и существует поныне «чёрный рынок» художественных произведений, где продавцы и покупатели прекрасно знают «правила игры». Москва в этом смысле не исключение, правда, масштаб мельче. Кроме того, кража картин могла быть заказной. В этом случае заказчик получает картины практически даром, и они оседают в какой-нибудь частной коллекции, где их днём с огнём не найдёшь. Такой вариант вы не рассматривали? Коллекционеры, Алексей Николаевич, те же люди со всеми их слабостями и недостатками. Им не чужды такие пороки, как жадность, зависть и меркантильность. При встрече мы, улыбаемся, раскланиваемся и обмениваемся любезностями, а за глаза многие готовы удавить друг друга.

- Андрей Тихонович, я стараюсь рассматривать все возможные варианты. Высказанные вами версии никоим образом не противоречат основному выводу – в Москве кто-то целенаправленно занимается кражей картин западноевропейских мастеров XVII - XVIII веков. С какой конкретно целью - пополнения собственной коллекции или последующей продажи для моего расследования на данном этапе это не имеет принципиального значения.

- В таком случае, как вы собираетесь ловить преступника? Вычислять следующую жертву, всё равно, что гадать на кофейной гуще. Поймать можно лишь на перепродаже ворованных картин, но даже в этом случае доказать факт воровства и сбыта краденного практически невозможно. Любой грамотный адвокат в суде камня на камне не оставит от ваших обвинений и вам же ещё придётся извиняться.

Всё это Авилов прекрасно знал. Подсудимый мог заявить, что купил вещь, например, ту же картину, с рук у приезжего и понятия не имел что она краденая. По закону бремя доказывания ложилось на обвинение. Картина ворованная – это факт, но как доказать, что продавец это знал? Если нет свидетелей, подтверждающих сбыт заведомо краденого, то доказать это практически невозможно. Было от чего впасть в меланхолию. Федосеев, заметив резкое изменение в настроении собеседника, догадался, что немного переусердствовал с критикой и решил подсластить пилюлю.

- Ваша версия насчёт Европы хороша, учитывая, что в России нет закона, запрещающего вывозить за границу художественные ценности (11), как нет и самой системы экспертной оценки художественных произведений. Фактически для государства эти произведения ничего не стоят! К тому же в Европе за картины платят золотом, а не бумажками. Перспектива, прямо скажем, очень заманчивая. Есть два основных варианта. Первый – продавать картины напрямую коллекционерам. Если преступники работают по этой схеме, то ваши шансы на успех практически равны нулю. Второй – продавать картины на аукционах. В этом случае перспективы для следствия более радужные. Европейские аукционные дома при крупных сделках исполь-

зуют безналичный расчет, и появляется возможность узнать имя продавца и отследить движение денег.

- Какой из этих вариантов предпочтительнее?

- Для преступников? – Уточнил Федосеев. – С точки зрения безопасности – первый. Не остаётся практически никаких следов. Однако это единственный плюс в этом варианте. Покупатель прекрасно понимает, что картины «тёмные» (12) и никогда не предложит настоящую цену. К тому же поиск потенциальных покупателей в Европе дело хлопотное и довольно затратное, ведь справочников по коллекционерам картин типа «Who is who" (13) нет. Скорее всего, преступники выберут аукцион. Об этом свидетельствует и отсутствие какой-либо системы в кражах картин. К тому же, появление на торгах картин мастеров прошлого, таких, например, как Антуан Ватто и Франсуа Буше довольно громкое событие, способное привлечь самых состоятельных европейских коллекционеров и резко повысить ставки.

- А как же «тёмное» прошлое картин?

- Для аукциона не требуются специальные документы, подтверждающие право собственности на картину. Априори считается, что картина принадлежит тому, кто сдал её на аукцион и заключил договор (14). В случае каких-либо сомнений могут потребовать договор купли-продажи. Аукционный дом работает как комиссионер – получает процент с продаж. А вот гарантию «юридической чистоты» давал продавец. Если всплыл краденый лот, то претензии можно предъявить только продавцу.

***

К трём часам Авилов вернулся в окружной суд на совещание. Первым отчитывался сыщик Макаров.

- Господа, я объехал всех потерпевших, за исключением сахарозаводчика Плотникова и должен признать, что ничего нового мне узнать не удалось. Они не были знакомы между собой, жили в разных частях города и вообще относились к различным социальным группам. Купец, граф, отставной жандармский генерал и сахарозаводчик. Среди них нет ни коллекционеров, ни просто любителей живописи, а картины банально передавались в наследство из поколения в поколение или привозились из заграничных поездок.

- Федосеев подтвердил, что потерпевшие не были ценителями живописи и никогда не принимали участия ни в каких выставках. – Дополнил информацию Макарова Авилов. – Где и когда могли засветиться эти картины, если даже самый известный московский антиквар не знал об их существовании? Вот главный вопрос, на который мы должны найти ответ, остальное уже будет делом техники. Должно быть что-то общее для всех четырёх краж.

- Я тоже так думаю, господа. - Макаров встал и, подойдя к раскрытому окну, закурил. – После беседы с сыном купца Коржикова мне даже показалось, что я ухватил нить, которая поможет нам распутать этот клубок. Кража картин произошла на тридцатый день после смерти его отца. Практически, как и в случае с генералом Перфильевым. Тот умер 1 февраля, а картины украли 15 февраля.

- Интересная мысль, Григорий Иванович! Ведь и в случае с Викентьевым, непонятный визит ночного «гостя» произошёл через несколько дней после смерти хозяйки дома.

- Вы серьёзно считаете, что к кражам может быть причастно похоронное бюро?

- Нет, Нил Спиридонович, уже не считаю. – Макаров затянулся и выпустил тонкую струйку дыма в раскрытое окно. – Работники похоронного бюро, конечно, были в этих домах, ведь по договору они отвечали за вынос тела, однако в обоих случаях гроб был установлен не в тех комнатах, где висели украденные картины. Кроме того, похороны обслуживали разные компании, а в оставшихся двух случаях с графом Апраксиным и сахарозаводчиком Плотниковым, вообще не было никаких смертей до кражи. Так что, господа, моя версия умерла, не успев родиться.

- Мне вообще нечем похвастаться. – Заявил Дымов. – Я просмотрел все уголовные дела по убийствам и кражам картин за последние пять лет и никаких новых эпизодов не обнаружил. Краж картин, кроме известных нам четырёх эпизодов вообще нет. Убийств достаточно, в том числе и с применением холодного оружия, однако ни в одном случае не использовали кортик или кинжал. В основном либо обычные кухонные ножи, либо финки. Глубже копать не имеет смысла, скорее всего банда, которую мы ищем начала свою деятельность всего два года назад, а точнее 15 марта 1878 года с кражи картин генерала Перфильева.

- Это называется, собрались совещаться. – Усмехнулся Макаров. – Вся процедура уложилась в десять минут. Алексей Николаевич, хоть вы порадуйте чем-нибудь.

- Увы, господа, мне тоже особо нечего добавить. Федосеев подтвердил, что продавать картины в Европе намного выгоднее, чем в России. Там и цены выше и платят не бумажками, а золотыми монетами. Картины не сложно вывезти из страны, поскольку никаких разрешений не требуется. Аукционный дом вполне удовлетворит предъявление договора купли-продажи, а этот «документ» не сложно подделать. Как видите, никаких преград для вывоза и продажи картин в Европе нет.

- Их не волнует, что картины могут оказаться краденными?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.